891.71(092)
Ш 379

Ш-372

Т. Шевченко

ПЕТРОЗАВОДСК — КАРГОСИЗДАТ
1939

ПРОВЕРЕНО
1938 г.

NLRK 00270341

891.71(092)
Ш 379

КО

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

(К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК,
ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

1900490 Кр
~~91816~~

Передвижной Клуб „Большевик"
№ ~~8951~~

ПЕТРОЗАВОДСК — 1939 — КАРГОСИЗДАТ

Национальная
библиотека
Республики Карелия

КАРССР
Государственная Публичная
БИБЛИОТЕКА
ЧИТАЛЬНЫЙ
ЗАЛ

1998

1952

Сборник, посвященный 125-летию со дня рождения великого поэта-демократа Т. Г. Шевченко, издан по постановлению юбилейного Шевченковского комитета при Совнаркоме Карельской АССР.

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

(БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

Светлое имя украинского поэта Т. Г. Шевченко давно известно, как имя человека, отдавшего всю свою жизнь за счастье своего народа, за счастье всего человечества.

Но никогда еще слово Шевченко не звучало так гордо и народные массы с такою пламенною любовью не чествовали великого кобзаря, как сейчас, у нас в Советском Союзе, в стране победившего социализма.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции народ, руководимый партией большевиков, стал хозяином своей страны. Под руководством партии Ленина—Сталина, в результате осуществления двух сталинских пятилеток советский народ коренным образом переделал лицо своей родины, добился величайших побед в деле строительства социализма. В нашей стране «осуществлена в основном первая фаза коммунизма — социализм» (Сталин). Победа социализма законодательно закреплена в новой Сталинской Конституции. «За годы второй пятилетки в СССР проведена настоящая культурная революция». (Тезисы

доклада тов. Молотова на XVIII съезде партии). СССР стал страной самой передовой культуры. Пышно расцветает социалистическая культура, наука, искусство, литература.

Вдохновленные поэтические произведения Т. Г. Шевченко, как и других великих писателей прошлого, стали достоянием широких народных масс нашей родины.

Юбилей Шевченко — 125-летие со дня рождения поэта — выдающееся событие в нашей культурной жизни. Эту дату отметит не только свободный украинский народ, но все народы великого Советского Союза.

Растет и крепнет дружба между народами СССР. «А дружба между народами СССР — большое и серьезное завоевание. Ибо пока эта дружба существует, народы нашей страны будут свободны и непобедимы. Никто не страшен нам, ни внутренние, ни внешние враги, пока эта дружба живет и здравствует» (Сталин).

Под знаменем Ленина—Сталина все народы нашего Союза живут, строят и создают свою культуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию.

Культурные ценности каждого народа становятся гордостью всех народов. Все трудящиеся нашей страны отметили юбилей гениального русского поэта А. С. Пушкина. Юбилей великого грузинского поэта Шота Руставели, написавшего 750 лет назад бессмертную поэму «Витязь в тигровой шкуре», превратился в настоящий праздник советской культуры. Страна отметила юбилей казахского народного поэта Джамбула, любимого советского поэта.

9 марта 1939 г. трудящиеся СССР отмечают 125-летие со дня рождения Шевченко. Лучшие

советские поэты — русские, белорусские, грузинские, азербайджанские, армянские, еврейские, казахские, карельские и другие — переводят на свой родной язык пламенные стихи украинского кобзаря.

Украинский народ гордится своим возлюбленным сыном, так талантливо и искренне выразившим его чувства, стремления, интересы, воплотившим в своих произведениях безграничную любовь к своему народу, родине и священную ненависть и гнев народа к его вековечным врагам — царизму, крепостникам и польским панам.

Шевченко не мог примириться с тяжелыми условиями, в которых пребывал порабощенный народ. В годы царствования Николая I, в годы, когда погибли преследованные царем гениальные русские поэты Пушкин и Лермонтов, Шевченко выступил с гневным протестом против самодержавия, против крепостной системы. Вместе с лучшими людьми русского общества, с революционными демократами — Чернышевским и Добролюбовым — Шевченко звал народ сбросить с себя ярмо и рассчитаться со своими угнетателями.

Шевченко, как никто другой, знал свой народ, его жизнь и быт, любил родной язык, прекрасно знал народные песни, думы, легенды. Он впитал в себя все лучшее, что было в народном творчестве, и как драгоценными камнями украсил свои произведения. Этим самым поэт поднял молодую тогда еще украинскую литературу на недосягаемый для того времени уровень. Шевченко считается по праву основоположником новой украинской литературы. Все лучшие представители дореволюционной украинской литературы — Марко Вовчок, Панас Мирный, Иван Франко, Мих. Коцюбинский и Леся Украинка — пошли по пути, проложенному Шев-

ченко. Как Пушкин в русской литературе, так Шевченко в украинской стал создателем нового реалистического направления в литературе.

Шевченко любил прошлое своего народа, воспевал героев, боровшихся за свободу и павших в неравной борьбе с врагами. Он верил в силы народа, он черпал силу и вдохновение из народной мудрости и его истории для своих произведений.

До последней минуты своей жизни Шевченко был связан с народом. Где бы он ни был — в родном селе, в Петербурге, в ссылке — всегда он мечтал о лучшей доле своего народа, глубоко верил, что правда придет и делал все, что мог, чтобы приблизить этот час. В этом, в исключительной народности — сила Шевченко. В этом и его бессмертие. И он прав, когда сказал: «История моей жизни — это часть истории моей родины» (автобиография).

I.

Тарас Григорьевич Шевченко родился 9 марта 1814 года в селе Моринцах, Звенигородского уезда, в семье крепостных. Родители его были собственностью помещика Энгельгардта. Они должны были работать днем и ночью на своего пана: пахать, засевать панские поля, жать и молотить его пшеницу. Пан богател и роскошествовал, а крепостные, измученные и голодные, очень часто не имели и корки хлеба.

В 1816 году родители Шевченко переехали в село Кирилловку, того же уезда. Жили они в старой хате под соломенной почерневшей крышей. Здесь Тарас провел свое детство. Это село он часто вспоминает в своих произведениях. Тарас был живым любознательным ребенком. Не раз задумывался он над тем, откуда происходит все, что его окружает.

Что делается там в синеющей дали, где будто бы земля сходится с небом? На чем держится небо?.. Услышав от старших, что небо будто бы держится на железных столбах, шестилетний Тарас решил их разыскать. Крестьяне подобрали его на широкой дороге за селом и привезли домой.

От своего дедушки Ивана Шевченко не раз слышал рассказы о народном гневе и мести против польской шляхты, о народном движении, вошедшем в историю под названием «Колиивщина».

Маленький Тарас любил воспоминания и песни своего деда о прошлом, они глубоко запали в детскую душу, и он их потом использовал в прекрасной талантливой поэме «Гайдамаки».

В 1822 году отец отдал Тараса «в науку» к дьяку Совгирю Губскому.

С детства у Шевченко замечается стремление к рисованию, но условия, в которых рос и проводил детство даровитый мальчик, не содействовали развитию его таланта. Он также, как деды и родители его, был крепостным и не мог даже мечтать о настоящем образовании. Нужда не давала ему возможности заниматься рисованием даже тайком. В 1823 году еще совсем молодой умерла его мать. Дети осиротели (кроме Тараса, было еще пятеро). Старшая сестра Екатерина вышла замуж в соседнее село еще при жизни матери. Отец женился вторично. Мачеха привела с собой своих троих детей.

В убогой хате образовался настоящий ад. И больше всех доставалось Тарасу. Наблюдательный, свободолюбивый и бойкий мальчик не мог мириться с несправедливостями мачехи; за все проказы своих детей она наказывала Тараса. Не раз убегал он из дому, прятался в бурьянах, ходил оборванный и голодный.

В 1825 году умер и отец его. Остался Тарас круглым сиротой. Учился он тогда в школе у дьячка Богорского. Был он «учеником-попыхачем» — носил воду и выполнял другую черную работу. К учению он проявил исключительный интерес. Но в школе у пьяного дьяка было больше ругани и побоев, чем учебы. По приказу этого «учителя» дети сами должны были нарезать вишневые розги и становиться в очередь, ожидая наказания.

Пробыв два года в этой школе, научившись читать псалтырь и попробовав не раз горькой «березовой каши», Тарас, видя, что у пьяного дьяка он ничему больше не научится, бежал в Лысянку. Он искал учителя, который по-настоящему научил бы его рисовать. Лишь за одно это он готов был выполнять самую трудную работу и переносить все испытания, какие казались ему неразлучными со всякой наукой.

Лысянский маляр-дьякон, для которого Тарас в течение трех дней носил воду с реки Тикача и выполнял всякие другие работы, своим характером и поведением ничем не отличался от кирилловского пьяного дьяка. И Тарас на четвертый день бежал и от него в село Стеблово, а оттуда — в село Тарасовку. Местный дьячок-маляр отказался взять Тараса, заявив, что он к малярской работе не способен. Потеряв надежду стать маляром, Тарас возвратился в село Кирилловку. Здесь он пасет общественное стадо, а в 1828 году работает батраком у сельского попа Кошицы.

Страсть к рисованию не оставляет его. Он снова уходит искать учителя. В селе Хлебневке маляр обнаружил у Тараса способности к рисованию и готов был его принять на обучение, но требовал письменного разрешения от помещика. Шевченко был

уверен, что такое разрешение он достанет и, полный надежд, явился в Ольшаны к Дмитренко — управляющему помещика Энгельгардта. Но тот и слушать не хотел Тараса. В это время подбирали дворовых для молодого Энгельгардта, и управляющий забрал в дворовые крепкого и сообразительного парня.

Таким образом Шевченко попал на панский двор. Вначале его направили в помощники повара, но убедившись вскоре, что повара из него не будет, сделали его «казачком». Это было в 1829 году, когда Тарасу минуло 15 лет.

II.

Энгельгардт часто выезжал в Киев, Вильно и другие города и брал с собою «казачка» Тараса. Обязанности Тараса состояли в том, чтобы сидеть в передней и ждать, когда пану понадобится подать трубку или стакан воды. Эта работа была ему не по душе, он томился.

В отсутствие Энгельгардта он предавался своему любимому занятию — рисованию; тихо напевая любимые украинские песни, казачок копировал развешенные картины. За это он был однажды жестоко наказан. Это было в Вильно 6-го декабря (ст. ст.) 1829 года. Энгельгардт уехал на бал. Тарас зажег свечу и стал срисовывать с лубочной картины казака Платова и так увлекся, что и не заметил, как возвратился хозяин.

«Он жестоко выдрал меня за уши и надавал пощечин, — рассказывает Шевченко в своей автобиографии. — На следующий день он приказал кучеру Сидорке выпороть меня хорошенько, что и было выполнено с надлежащим усердием».

В начале 1831 года Шевченко с обозом Энгельгардта прибыл в Петербург. В 1832 году Энгельгардт, желая иметь своего собственного домашнего живописца, законтрактовал Тараса на четыре года к «разных живописных дел мастеру» маляру Ширяеву. Тяжело жилось ему у нового хозяина. Жил он на чердаке, питался плохо и выполнял тяжелую работу, а поэтическая его натура стремилась к настоящему искусству — к живописи.

Единственным утешением и наслаждением были светлые петербургские ночи, когда он ходил в Летний сад и рисовал там с натуры. За таким занятием застал его однажды летом 1835 года украинский художник Иван Максимович Сошенко, живший в Петербурге. Судьба талантливого юноши заинтересовала художника. Они познакомились и подружились. При помощи Сошенко Шевченко познакомился с секретарем Академии художеств Григоровичем, а через некоторое время и с известным русским поэтом В. Жуковским, украинским писателем Е. Гребенкою, русскими художниками К. Брюлловым и О. Венециановым. Блестящий талант самоучки Шевченко удивлял и чаровал их. Они поняли, что условия жизни талантливого юноши неблагоприятно отражаются на его развитии, и решили добиться его освобождения от крепостной зависимости. Самое деятельное участие в этом благородном начинании приняли Жуковский и Брюллов.

Шевченко надо было дать систематическое художественное образование. Это возможно было только в Академии художеств, но крепостным было запрещено переступать порог императорской Академии. Шевченко надо было прежде всего освободить из крепостничества. Друзья Шевченко надеялись,

что Энгельгардт отпустит своего крепостного без денег. Брюллов сам ходил к помещику, но жадный помещик и слышать не хотел: «Деньги, дайте мне деньги», и смеялся над гуманистическими доводами художника. Брюллов заявил, что Энгельгардт «самая большая свинья, с которой он когда-либо встречался».

Решили достать денег. Брюллов написал прекрасный портрет Жуковского. Портрет разыграли в частной лотерее и за вырученные 2.500 рублей купили Шевченко свободу. Это произошло 22 апреля 1838 года.

III.

Учеба захватывает Шевченко целиком. Он становится одним из любимых учеников и друзей К. Брюллова. Много работает над собой, над своим самообразованием — посещает лекции по истории, физиологии, зоологии, физике. Изучает французский язык. Читает художественную литературу. Зачитывается поэзией Пушкина, рассказами Гоголя. Из украинской литературы он почти на память знает «Энеиду» Котляревского, читает Квитку Основяненко. Знакомится с выдающимися произведениями западно-европейской литературы.

Упорно он работает над усовершенствованием своей художественной кисти и достигает значительных успехов. В 1839 году его награждают серебряной медалью. В 1840 году — серебряной медалью за картину «Бедный мальчик дает собаке кусок хлеба». В 1841 году — новая награда за картину «Цыганка».

В Академии художеств писали картины преимущественно на библейские и мифические темы. Шевченко не удовлетворяла такая ограниченность. На

его полотнах появляются люди из народа. Своими картинами он старается привлечь внимание общества к угнетенному народу.

Шевченко был не только талантливым художником. Он был гениальным поэтом, понимавшим большую силу правдивого художественного слова. Он мечтал обратиться к народу с живым словом.

Но не растленным ветхим словом,
А словом вдохновенным, новым.

С пламенным, гневным словом, которое:

Как громом грянет и спасет
Весь обездоленный народ
От ласки царской...

С пламенным, горячим словом, которое воодушевило бы народ, разбудило бы его и позвало на борьбу за свободу, которое разбило бы границы царской цензуры и через головы царей и жандармов пролетело к народным массам.

1838 год был знаменателен для Шевченко и в области поэзии. Первые его произведения датированы этим годом, хотя писать он начал значительно раньше. Возможно, что еще тогда, когда он мальчиком прятался в бурьянах от злой мачехи или от пьяного дьяка, когда наблюдал несоответствие между богатой природой и страданием своего народа, когда напевал любимые свои песни, когда рисовал статуи в Летнем саду — возможно тогда появились первые поэтические образы.

А теперь, когда он очутился на свободе, «украинская строгая муза долго чуждалась моего вкуса, извращенного жизнью в школе, в помещичьей передней, на постоялых дворах и в городских квартирах; но когда дыхание свободы возвратило моим чувствам чистоту первых лет детства, проведенных

под убогой батькивскою стрехою, она, спасибо ей, обняла и приласкала меня»... (автобиография).

В 1840 году вышла первая книга Шевченко «Кобзарь», в которую вошли стихи: «Думы мои, думы», «Перебендя», «Катерина», «Тополь», «Иван Подкова», «К. Основяненко», «Для чего мне черны брови» и «Тарасова ночь». Это было самым выдающимся событием в украинской литературе. Скромный по размеру «Кобзарь» имел исключительный успех. И не удивительно: поэт обращался к угнетенному народу с живым, образным, сочным словом. Чрезвычайно просто и тепло поэт пишет о жизни обездоленных. В одном из своих первых стихотворений «Думы мои, думы» поэт пишет:

В край родной идите, дети,
К нам на Украину...

С воодушевлением поведал поэт угнетенным массам Украины о их прошлом.

Украинский народ столетиями защищал свою свободу и независимость от многочисленных своих врагов, и особенно от польских панов. Польская шляхта «огнем и мечом» старалась закабалить широкие народные массы и превратить их в своих холопов. Издевательствам не было границ. Паны замучили многих преданных сынов украинского народа. По свидетельству летописца Самовидца, «всякую свободу у народа отняли и тяжкие невыносимые подати наложили необычно. Детей казацких в котлах варили, женам перси древом вытискали».

В истории записано немало ярких страниц о восстаниях украинского народа против шляхты, которые окончились победой народа.

Шевченко не приукрашивал истории, он не идеализировал гетманщины, как это делали буржуазные националисты и другие враги народа.

Шевченко искренне и правдиво отобразил в своих произведениях многочисленные героические эпизоды; воспел выдающихся героев, павших за счастье народа.

Стихотворение «Ночь Тараса» — прекрасное художественное отображение событий 1630 года, когда казацкое войско во главе с Тарасом Трясылом наголову разгромило под Переяславом польское войско во главе с гетманом Конецпольским.

Бедная ты, Украина,
Сломлена врагами! —

обращается Трясыло к войску и призывает:

А пойдем-ка, паны-братья,
С поляками биться.

Они храбро бились во имя родины и победили.

В 1841 году отдельным изданием вышла известная поэма Шевченко «Гайдамаки». Это широкая и яркая картина народного восстания против вековечного врага — польской шляхты. В этой поэме описываются события 1768 года. На священную борьбу против польской шляхты поднялись все, кто мог носить оружие, ибо знали, что «страшный суд нам ляхи-палачи несут».

Даже бабы, взяв ухваты,
Ушли в гайдамаки...

Народом овладела одна мысль, одно желание:

Не дайте матери, не дайте
В руках у палача стенать!

Главный герой поэмы Ярема Галайда воплощает в себе лучшие черты своего народа. Он желал бы иметь сто рук, чтобы быстрее победить врагов и освободить свою страну. Как грозное предостережение современным польским панам-помещикам и

немецким фашистским мракобесам звучат слова Шевченко в этой поэме:

От Киева до Умани
Легли ляхи впокот...

В 1842 и 1843 гг. Шевченко написал на русском языке поэмы «Слепая», «Тризна» и другие произведения. В поэме «Слепая» с присущей автору искренностью он описывает страдания матери и дочери, опозоренных паном-помещиком. Мать от горя ослепла, а дочка отомстила своему мучителю — подожгла его имение и сама погибла в пожаре.

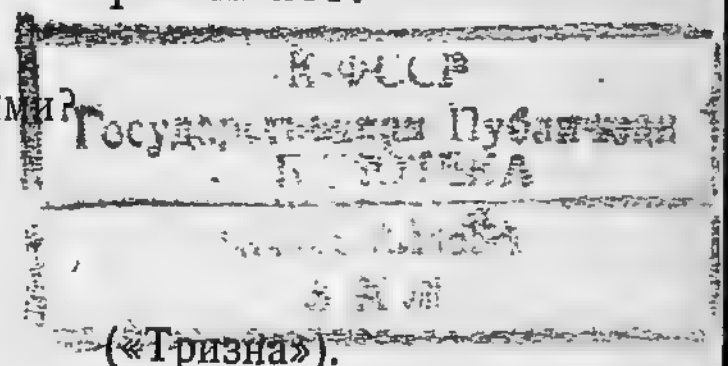
Шевченко стал самым известным украинским поэтом. Весною 1843 года он приезжает на Украину. Посещает старые знакомые места, присматривается, как люди живут, прислушивается, на что они жалуются. Всюду он видит ту же неволю, ту же панщину, что была и до его отъезда.

Украинские помещики, желая отвлечь внимание поэта от народного горя, наперебой приглашали его к себе, показывая ему «парадную сторону» своей жизни. Это им не удалось. Шевченко прекрасно знал, что благополучие помещика построено на горьком и тяжелом труде крепостных.

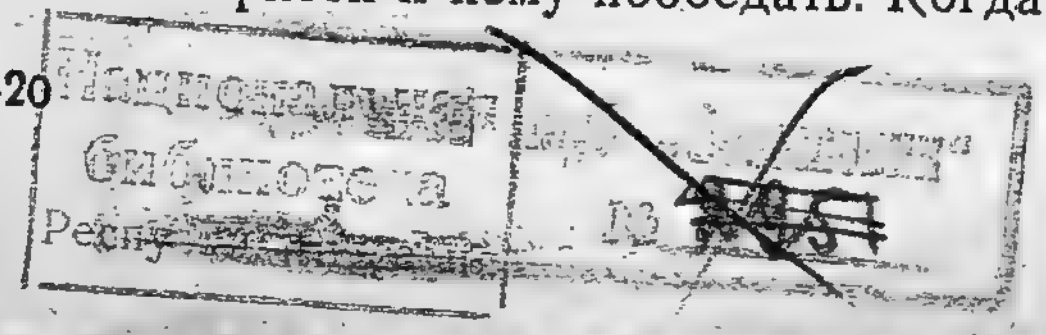
Вынужденный иногда присутствовать на пиру у пана, поэт чувствовал себя чуждым в этой среде. Устами одного из своих героев он спрашивает:

Зачем я тут?
И что мне делать между ними?
Они все пляшут и поют,
Они родня между родными.
Они равны все меж собой...
А я...

(«Тризна»).



Один лубенский помещик с большим трудом упросил Шевченко притти к нему пообедать. Когда Шев-



К-ФССР
Государственная Публичная
Библиотека
Республики
Национальная
библиотека
Респу

ченко пришел, в передней дремал слуга. Хозяин тут же при Шевченко избил слугу. Поэт покраснел, взял шапку и ушел.

Вернувшись в Петербург, Шевченко еще усерднее взялся за учебу, чтобы скорей закончить Академию художеств. Он лелеет мысль — совсем переехать на Украину. Тем временем он предпринимает издание альбома картин «Живописная Украина», в котором хочет показать важнейшие моменты из истории украинского народа, его быта и прекрасные уголки украинской природы. Он издал первую серию из шести картин. Весь альбом остался незаконченным из-за недостатка средств.

IV.

В 1845 году Шевченко окончил Академию художеств и получил звание художника. Весной того же года уехал на Украину.

Как художника его зачислили в Киевскую комиссию по собиранию и изучению исторических памятников. По делам комиссии Шевченко разъезжал по Киевской, Полтавской, Черниговской, Волынской и др. губерниям.

Шевченко был среднего роста, широкоплечий, с открытым, честным лицом и светлыми серо-голубоватыми глазами. Ему присущи были скромность и товарищество. У него всегда находилось о чем поговорить с крестьянами. Он умело пользовался шуткой, поговоркой.

Был однажды такой случай. Встретился Тарас Григорьевич с знакомыми крепостными. Завязался разговор о воле. Он вынимает из кармана зерно, кладет на стол и говорит, что это царь. Потом раскладывает вокруг этого зерна еще несколько зерен.

— Если в центре царь, то это, верно, его помощники, всякие министры, генералы и прочие, — догадываются присутствующие. — Правильно, — подтверждает поэт, — так оно и есть.

Потом достает из кармана горсть чистого зерна. — А вот это мы с вами, мы — народ, — и, осматривая своих слушателей, спрашивает:

— Хотите знать, когда воля будет?.. Вот когда,— и горстью зерна засыпает «царя и его помощников».

Насколько он любил беседы с крестьянами, настолько он избегал разговоров с панами.

Будучи в родном селе Кирилловке, он заглянул к местному попу Кошице, у которого в детстве работал батраком.

После его ухода прибежала пожилая крестьянка Лемериха и расспрашивает попа о поэте.

— Да, он был тут, — ответил тот недовольный. — Такой молчаливый... Все время или молчал, или расспрашивал о былом, о «голодранцах»... И еще, как насмех, попросил позвать ему церковного сторожа Смолька, с которым в детстве учился, и начал с ним целоваться...

— Странно, — ответила крестьянка, — среди нас он никогда не молчит... Верно, с вами ему не о чем было говорить...

Шевченко очень любил песню. Сам он пел с большим чувством и трогательно-просто. Бывало, соберет сельскую молодежь и до поздней ночи поет с ней любимые песни.

* * *

Царизм был злейшим врагом всех народов России. Он всюду протягивал свои кровавые щупальцы, угнетал десятки народов, задерживал развитие экономики и культуры в национальных областях,

преследовал родной язык. Со всей силой своего гневного слова Шевченко обрушился на самодержавие...

Официальная пресса и всякие «тупорылые виршомазы» бесстыдно расхваливали царя и царицу, их мнимую красоту, доброту и щедрость. Развеять в прах это наглое вранье, показать истинное, хищническое лицо самодержавия и холопов, поднять угнетенный народ на борьбу против самодержавия и помещиков, — такова задача, которую поставил перед собою Шевченко и над выполнением которой он неутомимо работал.

В поэме «Сон», в сатирическом плане, не уклоняясь от реальной действительности, поэт нарисовал неприглядные портреты царя и царицы. В этой же поэме поэт развертывает картину подневольного крепостного села. Крепостничество Шевченко считал самым большим социальным злом.

Бессмертны произведения Шевченко, в которых он рисует жизнь крепостных. Они имеют исключительное познавательное значение, а по своему художественному мастерству достигают вершин поэтического искусства. Они глубоко волнуют правдою и гуманизмом.

Посмотри: в раю том, что ты оставляешь,
С калеки сорочку рваную снимают,
С кожею снимают: не во что обуть
Недорослей панских. А там распинают
Вдовицу за подать, а сына берут,
В чем она повинна — вырастила сына,
А ее надежду в солдаты сдают.
Их ведь не хватает! А взгляни под тыном
Голодный ребенок умирает там.
А мать жнет пшеницу панам-господам...

Шевченко пробыл на Украине с весны 1845 года до весны 1847 г. За это время он написал замеча-

тельные произведения: «Еретик», «Кавказ», «К мертвым и живым», «Холодный Яр», «Завещание» и много лирических стихов. Все эти произведения проникнуты безграничной любовью к своей родине и ненавистью к самодержавию и крепостникам. Это лейтмотив всего его творчества. Многие его произведения пронизаны интернациональными мотивами.

Подлые, презренные враги украинского народа всячески старались снизить колоссальное значение произведений Шевченко, уменьшить его роль в процессе формирования революционного сознания украинского народа. Буржуазные националисты с особым рвением старались выхолостить из творчества великого украинского кобзаря мотивы интернационализма. Особенно они преследовали Шевченко за его глубокое уважение русского народа, за связь с русской литературой и культурой, за дружбу с самыми передовыми людьми русского общества.

Враги народа умышленно выпячивали те места в произведениях Шевченко, где он с гневом и ненавистью выступает против угнетателей не только украинского, но и других народов, и толковали это, как выступление поэта против других народов. Эти попытки вражеских элементов потерпели крах. Достаточно ознакомиться с биографией поэта, с его бессмертными произведениями, с такими поэтическими шедеврами, как «Кавказ», «Еретик» и др., чтобы от враждебно-националистической клеветы не осталось и следа.

В поэме «Кавказ» Шевченко обращается с пламенным словом к народам Кавказа, защищающим свою свободу и независимость от царского порабощения. С едкой иронией пишет поэт о царской им-

перии. Он призывает свободолюбивые кавказские народы не складывать оружия.

Вы боритесь-поборите!
. . . . . .
С вами правда, с вами слава,
И воля святая!

Сравнивая народ с легендарным образом Прометея, которого орел клюет, поэт верит, что кровожадному орлу никогда не удастся выпить

Крови животворной...
Вновь и вновь смеется сердце
И живет упорно.
И душа не погибнет наша,
Не слабеет воля...

Эта поэма — замечательный документ, показывающий, что, не взирая на жестокие условия в эпоху царствования Николая I, на исключительно агрессивную его колониальную политику, лучшие сыны народов России понимали необходимость взаимной дружбы и взаимной помощи народов.

От имени своего трудового народа Шевченко выступил с гневным протестом против грабительской политики самодержавия, в защиту кавказских народов, к которым он всю свою жизнь питал искреннюю любовь.

С большим уважением он относится в своей поэме «Еретик» к чешскому народу. Описывая выступление выдающегося деятеля и чешского национального героя Яна Гуса против римского папы и католических кардиналов, поэт рассказывает, как эти враги чешского народа

Пришли в овечьей шкуре
Жестокие звери,
Пришли и когти точат.

Поэт клеймит позором немецких захватчиков, которые уже тогда стремились расчленить и порабо-

тить чешский народ. С большой силой звучит страстный призыв Яна Гуса к народу:

Прозрите люди — день настал,
Расправьте руки — свет вас будит,
Проснитесь, чехи, будьте люди,
А не посмешище попам!

Эта поэма направлена против одного из самых подлых врагов человечества — против римского папы:

Кругом неправда и неволя,
Народ замученный молчит,
А на апостольском престоле
Монах откормленный сидит...

И поэт призывает все народы бороться против этого врага.

Все эти сочинения Шевченко нигде не были тогда напечатаны, но они широко распространялись в рукописях. Попали они и к царским сатрапам и царю.

Над головою поэта собралась черная туча.

5-го апреля (ст. ст.) 1847 года в Киеве арестовали Шевченко и отправили в Петербург. Арестовали его по делу о Кирилло-Мефодиевском братстве.

Историк Н. Костомаров организовал в Киеве небольшое общество, преимущественно из студентов университета, которое ставило перед собой задачу — объединить все славянские народы и добиваться освобождения крестьян из крепостничества. Для достижения этой цели общество считало достаточным распространение образования и религии. Это общество назвало себя Кирилло-Мефодиевским, именем апостолов, распространявших христианство среди славянских народов. Никаких других методов борьбы, кроме указанных, тем паче вооруженных восстаний против существующего

строя, кирилло-мефодиевцы не признавали. Но и этого либерального общества самодержавие испугалось, и все члены его были арестованы.

Шевченко, бывая в Киеве, встречался с Костомаровым и другими членами общества, читал им свои стихи, спорил с ними относительно их ограниченной программы, не соглашался с их методами борьбы. На следствии почти все арестованные заявили, что Шевченко не был членом общества. Тем не менее ему вынесли самый тяжелый приговор. Засудил его царь ни за что иное, а за пламенные и гневные стихи. Так об этом говорится в приговоре.

> «Шевченко... писал на украинском языке бунтовщические стихи. В них он то плачет над кривдою Украины, то рассказывает о былой козацкой славе, то дурными словами осмеивает царя и его семью А что Шевченко заслужил себе этими произведениями славу поэта, тем то его стихи вдвойне вредны и опасны. Поэтому его как человека с крепким здоровьем надо отдать до Оренбургского войска и передать начальству, чтобы за ним зорко следили».

Палач народа Николай I утвердил этот приговор и от себя приписал: «Под строжайшее наблюдение, запретить писать и рисовать».

Шевченко предвидел, что царь его не помилует. Находясь в каземате царской охранки, он, в ответ на угрозы во время следствия, написал целый цикл прекрасных стихов. Он писал:

Мне безразлично, жить я буду
На Украине или нет,
Попомнит кто или забудет
Меня на дальней стороне, —
Все это безразлично мне.

Не это тревожит поэта. Не личная судьба его

занимает. Его волнует более важное, — что будет с народом, с Украиной.

Но то не безразлично мне,
Что Украину злые люди
Смирят лукавством... и в огне
Ее, ограбивши, разбудят...
Ох, как не безразлично мне.

Царская расправа с поэтом была жестокой. Шевченко с приподнятой головой выслушал приговор. Вся его мощная фигура, открытое энергичное лицо, светлые зоркие глаза, все, все в нем говорило: — Нет, не сломите... будем бороться...

30 мая 1847 года его выслали из Петербурга и, нигде не останавливаясь, 9 июня доставили в Оренбург. Местному начальству казалось опасным оставить поэта в городе, где было тогда много политических ссыльных, и Шевченко отправили еще дальше — в Орскую крепость.

V.

В Орской крепости Шевченко зачислили рядовым солдатом 5-го линейного батальона за № 191.

— Если бы я был изверг, кровопийца, то и тогда для меня удачнее казни нельзя было и придумать, как сослав меня в отдельный оренбургский корпус солдатом, — записывает Шевченко в своем «Дневнике».

Целый день бесконечная муштра, тупая и бессодержательная «словесность», постоянный надзор и угрозы пьяного ефрейтора и специально приставленного к поэту «дядьки». А вечером:

— Солдаты кончили учение, начались рассказы, кого били, кого обещались бить. Шум, крик, балалайка выгнали меня из казармы. (Письмо Шевченко от 25/II-1848 года).

А ночи такие же безотрадные, как и дни:

Приходят ночи в дом наш смрадный,
За ними думы... разобьют
Надежду, сердце вместе с нею...
То что сказать еще не смею,
И все прогонят, разнесут...

Кругом ни деревца. Летом здесь очень жарко, зимою страшно холодно. Шевченко назвал эту пустыню «раскрытой могилой», которая готова похоронить его живым. Но самым тяжелым был для него запрет писать и рисовать.

— Я страшно мучусь, мне запрещено писать и рисовать. (Письмо от 11/XII-1847 года).

И как это ни было тяжело, поэт тайком, в маленьких книжечках записывает свои думы, мечты и песни.

И снова довелося мне
От стражи вдохновенье прятать,
И описывать, как когда-то,
Листки, плакать в тишине...
Как тяжко плакать...

В его поэзии периода ссылки мы не встречаем никаких мотивов покаяния или отказа от предыдущего творчества, или мотивов примирения с существующим строем.

Караюсь, мучусь, но не каюсь...

заявляет поэт. Новые произведения его, также как и предыдущие, направлены против главных врагов народа — самодержавия и крепостничества. В поэме «Княжна» с большой силой поэт рисует социальное неравенство. Тысячами умирают люди с голода, «голод стонет в селе». И в то же время:

Гуляет князь, гуляют паны,
Вот повалились на пол спьяна.

Паны-помещики рады неурожаю:

Чтоб хлеб хоть годик еще не рожал,
Тогда б и в Париже и всюду, где надо,
Наш брат-хуторянин себя показал!

Поэт с любовью описывает «Варнака», который «резал все, что паном звалось».

Тут же в Орской крепости поэт написал незабываемые автобиографические стихи: «Уж мне двенадцать миновало», «А. О. Казачковскому» и несколько лирических стихотворений: «Думы мои, думы», «Солнце заходит, горы чернеют», «И самому чудно» и другие. Это — перлы украинской литературы, которые стоят рядом с лучшими лирическими произведениями мировой поэзии.

Нищета и забитость киргизского народа очень поразили поэта. Уже в первом своем произведении, написанном в ссылке, поэт, обращаясь к своим думам, просит их:

Прилетайте сизокрылой
Стаей голубиной
С приднепровского простора
В этот край пустынный
Погулять среди киргизов.
Хоть они — убоги,
Хоть и голы... — да на воле
Еще молят бога.

В другом стихотворении, в основе которого лежит киргизская народная легенда, Шевченко рисует печальную картину пустыни, где:

Верблюд заплачет, а кайсак
Понурит голову и глянет
На степь...

Сочувствие киргизскому народу мы не раз встречаем в творчестве поэта и художника Шевченко.

Царская Россия была «тюрьмой народов». Еще в поэме «Кавказ» поэт подчеркивает, что в царской империи:

От молдаванина до финна
На всех языках все молчит...

Поэт зовет народы сбросить с себя царское ярмо. Со словом любви и уважения он обращается ко всем народам. О том, как глубоко Шевченко чувствовал необходимость объединения и дружбы народов, свидетельствует и его стихотворение «Когда мы были казаками», написанное в 1847 году в Орской крепости.

Шевченко ненавидел панов, независимо от их национальности. В его произведениях звучит священная ненависть к польским панам, к Радзивилам, Вишневецким, Браницким, Потоцким и др. вековечным врагам украинского народа. Но Шевченко знал и уважал других поляков, революционеров, которые боролись против царизма и расшатывали основы крепостной системы. К этим полякам, достойным представителям своего трудового народа, он обращается в своем стихотворении:

Когда мы были казаками
И унии не завелось,
Как весело тогда жилось!
Дружили с вольными ляхами,
Гордились вольными степями.

Народы искренне желают жить в мире, но:

Пришли ксендзы, огонь пустили
И тихий рай наш подожгли,
И пролив слез и крови море...
Христовым именем на горе,
Осиротелых обрекли.

И через головы этих жадных ксендзов поэт призывает:

Прими ж казачью дружбу снова,
От сердца руку нам подай...

В объединении народов против своего общего и злейшего врага — царизма Шевченко видит спасение от народного горя.

Это стихотворение имеет еще особое значение потому, что оно написано в 1847 году, после Краковской революции, о которой Энгельс писал:

> «В Кракове вспыхнула в 1846 году первая политическая революция, провозгласившая социалистические требования». [1])
>
> «Эти движения (в 1846 и в 1863 гг. — **П. А**) были не только национальными, они были в то же время прямо направлены к освобождению крестьян и к передаче земли в их собственность». [2])

Шевченко внимательно следил за революционным движением в Польше, был знаком с целым рядом людей, принимавших в нем участие, и им посвящает он свое стихотворение.

Таково же и отношение Шевченко к еврейскому народу. Буржуазные националисты из кожи лезли вон, всячески стараясь приписать поэту недружелюбное, презрительное отношение к еврейскому народу. Отношение поэта к еврейским богачам они выдавали за отношение Шевченко к еврейскому народу.

Но кучка богачей не есть народ. К еврейским народным трудовым массам Шевченко относился с сочувствием, с уважением. Об этом говорит ряд фактов из жизни поэта. Еще до ареста, весной 1846 года, когда Шевченко проезжал через город Прилуки, загорелась бедная еврейская хата. Поэт прибежал на пожар и вместе с другими начал спасать имущество пострадавшего. Когда пожар потушили,

---

1) Маркс, Энгельс, соч. т. XV, с. 551.
2) Там же, с. 222.

Шевченко стал укорять некоторых присутствовавших селян, которые не принимали участия в ликвидации пожара только потому, что горела еврейская хата. Шевченко говорил, что бедный человек, независимо от его национальности и религии, является нашим ближайшим братом.

Друг Шевченко врач Козачковский в своих воспоминаниях рассказывает:

> «По делам, которые я тогда имел с евреями, иногда наполнялась ими моя гостиная, в которой Шевченко обыкновенно занимался. Это шумное собрание не только не мешало ему (хотя он мог удалиться в кабинет), напротив, продолжая писать, он вслушивался в разговоры евреев, вмешивался в них и рассмешив чем-нибудь, сам хохотал от души».

* * *

Весной 1848 года Шевченко, как художника, включили в экспедицию, которая обследовала и изучала берега Аральского моря.

Возглавлял экспедицию лейтенант Бутаков, хорошо относившийся к Шевченко. Поэт, освобожденный от муштры и постоянного надзора начальства, рисовал виды с Аральского моря и много писал. Долгое время, почти два лета, Шевченко с экспедицией провел в форте Кос-Арал, там, где:

И сонные волны, и мутное небо...

Оставляя это далекое малознакомое место, он тепло прощается с ним:

Прощай же, Кос-Арал убогий,
Два года злую грусть мою
Ты все же развлекал умело.
Спасибо!..

Здесь Шевченко написал цикл стихотворений «Цари», где на примерах из древней истории пока-

зывает и бичует разврат «святых» царей, поэмы «Дочь ктитаря», «Марина», «Сотник» и много других.

Еще острее звучит в его новых произведениях ненависть к украинским либеральным панам, к так называемым патриотам. Еще в поэме «Княжна» Шевченко писал:

А патриот, убогих брат,
И дочь, и телку отнимает
У мужика, — и бог не знает...
А если знает, то молчит.

В поэме «Марина» поэт пишет:

Не сделает и дикий барс
Того, что вы, бия поклоны,
Творите.

Шевченко знал настоящую цену этим украинским помещикам, которые любили похвастать своим либерализмом, «повольнодумствовать», поболтать на всякие темы о народе. И он предостерегает народ от этих «друзей». О подобных патриотах и «друзьях» народа он писал так:

Гуляй, откормленный кабан!
Гуляй, бездельник! Добрый пан,
Потомок дурня с булавою,
Он чистокровный патриот
И он христианин душою:
Он в Киев ездит каждый год,
Он в свитке ходит меж панами,
В шинке сидит он с мужиками
И корчит вольнодумца здесь.
Хоть напечатай, — вот он весь.

Украинский помещик-либерал, как и все паны, издевается над своими крепостными, позорит крепостных девушек, отправляет на каторгу невинных лю-

дей. И переполненный гневным протестом, поэт продолжает:

...Житье паскуда!
Зачем не так его зовут?
Зачем его не заплюют?
Зачем не топчут?..

Один из потомков этого «дурня с булавою» — Скоропадский в 1918 году связался с немецкими империалистами и за гетманскую булаву продал им Украину. Свободолюбивый украинский народ в самый короткий срок, при братской помощи великого русского народа, очистил свою землю от этой гадости, разгромив гетмана Скоропадского и его немецких хозяев — империалистических захватчиков.

* * *

Мотивы украинских народных песен занимают видное место в новых произведениях Шевченко: «Если б пару мне сапожек», «И богата я, и красива я», «Полюбилася я, обручилася я», «Мать в шелку меня родила», «Кукушечка куковала», «Ой не пьются мед и пиво», «Протоптала тропочку через яр». Это очаровательные украинские народные мотивы, такие знакомые, такие близкие, и вместе с этим — такие свежие в гениальных стихотворениях поэта.

В стихах, написанных на Кос-Арале, с большой теплотой поэт возвращается к одной из своих любимых тем — о матери и ребенке. Не одно произведение он посвятил этой теме. Поэт радуется, когда видит мать с ребенком на руках. Это символ счастья.

Среди красот земного рая —
Прекрасней нет в моих глазах,
Чем мать румяно-молодая
С ребенком малым на руках.

Но увы! редко приходится поэту видеть счастливых матерей с сытыми детьми. Больше всего он встречает угнетенных, опозоренных женщин, голодных и оборванных детей. Каждая такая встреча напоминает поэту его детство.

Особенно, когда увидишь,
Что деревенский мальчуган,
Как с ветки сорван, бос и рван
И одинешенек; под тыном,
Сидит в заплатанной холстине,
Мне кажется, что это я,
Что это молодость моя.

В ноябре 1849 года экспедиция вернулась с Кос-Арала в Оренбург. Разрешили туда поехать и Шевченко, чтобы закончить рисунки с Аральского моря. Начальник экспедиции Бутаков хлопотал перед начальством о некотором облегчении для поэта. Шевченко просил, чтобы ему разрешили хотя бы только рисовать. Но в это время какой-то пьяница-офицер донес петербургскому начальству, что Шевченко не выполняет царский приговор, что он продолжает писать и рисовать. У поэта произвели обыск, забрали тетради с песнями, рисунки, письма друзей. Даже книги забрали: сочинения Пушкина, Лермонтова, Шекспира и др. Поэта арестовали, посадили в оренбургскую тюрьму, где он просидел почти полгода. Оттуда в октябре 1850 года его отправили в Ново-Петровскую крепость, по ту сторону Каспийского моря.

Положение Шевченко намного ухудшилось. Снова постоянный надзор крутого и придирчивого начальства. Снова муштра и «словесность». Поэту строго запретили писать и рисовать. Ежедневно его обыскивали, отбирали карандаши и бумагу. Даже письма свои он должен был давать начальству на

просмотр. Светлым пятном в эти тяжелые годы было знакомство с солдатами-земляками, с которыми он беседовал, преимущественно ночью, и пел с ними любимые свои песни.

И в эти тяжелые годы поэт не теряет надежды на освобождение...

По дороге в Ново-Петровскую крепость Шевченко поднял с земли в местечке Гурьеве вербовую ветку. Принес ее с собой и посадил возле казармы. Часто поливал ее. Она выросла и напоминала поэту о далекой Украине.

В конце 1852 года в Ново-Петровскую крепость приехал новый комендант И. А. Усков. Отношение к Шевченко изменилось к лучшему. Супруга Ускова Агата Емельяновна в частном письме писала о Шевченко:

> «Высокое, умное открытое лицо его, добродушное честное лицо, светлый ласковый взгляд его голубоватых серых глаз вызывали к нему расположение и уважение. Голос его был мягкий, симпатичный, говорил он плавно, чисто, определенно... Веяло от него умом и теплотой».

Привязался Шевченко к маленьким детям коменданта — Дмитрию и Наталье, а когда мальчик вскоре умер, Шевченко переживал это, как личное большое горе. В письме к своему другу Козачковскому он писал:

> «Я полюбил это прекрасное дитя, и оно, бедное, так привязалось ко мне, что бывало и во сне звало к себе лысого дядю. (Я теперь совершенно лысый и сивый). И что же? Оно бедное захворало, долго томилось и умерло. Мне жаль моего маленького друга. Я тоскую и иногда приношу цветы на его очень раннюю могилу и плачу».

В окрестностях крепости Шевченко нашел прекрасную глину и начал лепить. Начальство не знало как быть — Шевченко запрещено писать и рисо-

вать, а можно ли ему лепить? Комендант Усков решил так: «Что не запрещено, то дозволено». Среди вылепленных Шевченко вещей есть такая скульптурная группа: киргиз сидит в кибитке и играет на домре. Перед кибиткой стоит его жена, толчет просо и улыбается двум нагим малышам, сидящим у ее ног. К кибитке с правой стороны привязан теленок, с левой — коза.

По инициативе Шевченко, с разрешения коменданта, осенью 1853 года поэт вместе с солдатами разбил сад. Деревья привозили из Астрахани и Гурьева. По совету Шевченко, из ущелья Ханга-Баба привезли для посадки шелковицу. В саду построили землянку, где Шевченко мог, с разрешения коменданта, без надзора низшего начальства, рисовать и писать. Здесь Шевченко написал свои повести на русском языке: «Княгиня», «Музыкант», «Несчастливый», «Капитанша», «Художник» и др.

Враги народа долгие годы замалчивали русские повести Шевченко, считая их будто бы не художественными. Это клевета на Шевченко. Гениальный поэт написал сочным, образным русским языком высокохудожественные и социально-насыщенные повести. В повестях, точно также как в стихах, Шевченко остается верным своим идеалам, отстаивает интересы народа.

В письмах к Козачковскому и Бодянскому Шевченко просит их прислать ему текст «Слово о полку Игореве». Он хочет перевести эту поэму «на наш задушевный прекрасный язык».

В Ново-Петровской крепости жизнь течет по-старому. Положение Шевченко немного улучшилось, но он попрежнему остается бесправным солдатом, его муштруют, из него хотят сделать образцового фронтовика. А между тем в политиче-

ской жизни страны происходит одно событие за другим. Царизм потерпел поражение в Крымской кампании, что показало крайнюю отсталость крепостной России. По всей стране широко развивается революционное крестьянское движение. 18 февраля (ст. ст.) 1855 года умер царь Николай I. Царствовать начал Александр II. Либералы стали надеяться на реформы.

Друзья поэта начали хлопотать о его освобождении. Деятельное участие в этом принимал граф Ф. П. Толстой — вице-президент Академии художеств и его супруга А. И. Толстая. Во время первой амнистии Александр II вычеркнул Шевченко из списков.

Лишь 2 мая 1857 года Шевченко получил от друзей извещение, что он амнистирован. Но официального приказа не было. С нетерпением ожидая своего освобождения, Шевченко начинает с 12 июня 1857 года писать свой «Дневник». Это прекрасная книга, ценный документ об окружении, переживаниях, мечтах, надеждах, о самом характере великого поэта. Предназначая его не для печати, а для самого себя, автор вносит в этот «Дневник» все, что его интересует. Здесь и заметки о жизни в крепости, юмористические рассказы об офицерских пьянках и дебошах, страстное рассуждение о человеческом достоинстве, о том, что нам необходима разумная сатира, рассуждение об эстетике и др. Перед глазами читателя проходит целая галлерея разных людей, окружающих поэта, и каждому он дает точную и удачную характеристику. Как талантливый художник, он двумя-тремя чертами рисует верный портрет.

21 июля был получен долгожданный приказ об освобождении Шевченко, но не было еще известно,

куда можно ехать. Задержали еще на 10 дней. 1 августа комендант Усков дал ему разрешение выехать в Петербург. Шевченко попрощался со своими приятелями и оставил Ново-Петровскую крепость.

Таким образом, он пробыл в ссылке с 5 апреля 1847 года (день ареста) до 1 августа 1857 года — десять лет, три месяца и двадцать семь дней.

VI.

5 августа на рыбацкой лодке Шевченко прибыл в Астрахань и 22-го того же месяца на пароходе «Князь Пожарский» по Волге отплыл в Нижний Новгород. Он восхищается прекрасными видами и «ненаглядными берегами Волги». На палубе часто играл скрипач-вольноотпущенный. Поэт с большим наслаждением слушал музыку.

> «Благодарю тебя, крепостной Паганини. Благодарю тебя мой случайный, мой благородный; из твоей бедной скрипки вылетают стоны поруганной крепостной души и сливаются в один протяжный, мрачный, глубокий стон миллионов крепостных душ».

В каюте поэта собираются его новые знакомые. Ведут беседы о литературе, тут же читаются новые художественные произведения. Поэт чувствует, что за годы ссылки отстал от современной литературы, и берется наверстать упущенное. Прочитав «Губернские очерки», Шевченко дает очень высокую оценку Салтыкову-Щедрину.

> «Я благодарю...
> Я благоговею перед Салтыковым. О, Гоголь, наш бессмертный Гоголь!.. Какой радостью возрадовалася бы твоя благородная душа, увидя вокруг себя таких гениальных учеников своих. Други мои, искренние мои! Пишите, подайте голос за эту бедную, грязную, опаскуженную чернь! За этого поруганного, бессловесного смерда».

Поэт стремится скорее прибыть в Петербург, чтобы включиться в литературную и общественную жизнь, чтобы продолжать свою любимую художественную работу, чтобы скорее встретиться с друзьями.

20 сентября он прибыл в Нижний Новгород. Здесь ему сообщили, что местный полицмейстер получил распоряжение задержать Шевченко и по этапу отправить его обратно в Оренбург для получения приказа об отставке и указания о местожительстве. Это очень обеспокоило поэта. Но на этот раз ему посчастливилось. Местное начальство разрешило ему остаться в Нижнем Новгороде пока не прибудет приказ из Оренбурга.

Отъезд в столицу был отложен на неопределенный срок.

Шевченко старался как можно лучше использовать свое пребывание в Нижнем Новгороде. Он переписывал свои повести и стихи, готовя их к печати. Напечатал новую поэму «Неофиты» и стихотворения «Доля», «Муза» и «Слава».

Много он и рисует. Не взирая на неблагоприятную осеннюю погоду, он рисует древние сооружения, церкви и проч. Из «Дневника» мы узнаем:

> «11 (октября). А сегодня с горем пополам отправился поутру рисовать архангельский собор, озяб до слез...
>
> 12 (октября). Окончил вчера печатный рисунок архангельского собора. Оригинальное, красивое и самое древнее, прекрасно сохранившееся здание в Нижнем Новгороде. Собор этот построен во время великого князя Нижегородского Юрия Всеволодовича в 1227 году.
>
> 15 (октября). При ветре и морозе нарисовал вид двух безыменных башен, часть кремлевской стены и вид на Заочье. В целом вышел порядочный рисунок. Я тороплюсь сделать побольше эскизов на случай, если придется мне зазимовать, так чтобы была хоть какая-нибудь работа».

Он пишет также портреты некоторых своих знакомых. Будучи очень плохо материально обеспечен, он радуется первому заказу написать портрет за деньги:

«Первый портрет рисую за деньги, за 25 рублей, посмотрим, что дальше будет... Хоть бы на портного заработал».

По вечерам Шевченко посещает местный театр или читает. Увлекается прекрасными стихами Беранже в переводе В. Курочкина. У одного своего знакомого Шевченко в первый раз увидел журнал «Полярная звезда». Обложка с портретами казненных декабристов глубоко взволновала поэта. Вскоре Шевченко удалось прочесть брошюру Герцена «Крещеная собственность». Шевченко отмечает, что это «сердечное, задушевное, человеческое слово», а автора с любовью называет «апостол наш, наш одинокий изгнанник!» Когда Шевченко впервые дали почитать газету «Колокол», которую издавал Герцен в Лондоне, то Шевченко ее «с благодарностью облобызал».

Очень обрадовался поэт, когда в Нижний Новгород приехал к нему его старый друг М. Щепкин.

«Праздником праздник и торжество есть из торжеств! В три часа ночи приехал Михаил Семенович Щепкин.»

Шесть дней провели вместе два старых друга. Оба в прошлом крепостные: один из них знаменитый русский актер, другой — гениальный украинский поэт.

После отъезда Щепкина Шевченко еще больше почувствовал монотонность местной жизни. Он ждет не дождется счастливой минуты, когда ему разрешат выехать в столицу. Наконец разрешили. Он поехал в Москву, пробыл несколько дней там

у Щепкина и 27 марта (ст. ст.) прибыл в Петербург.

Здесь ведутся ожесточенные споры об освобождении крестьян. Чернышевский и Добролюбов занимают самую революционную позицию. Они проповедуют отмену крепостничества и свержение царя путем крестьянского восстания.

Вокруг них, вокруг журнала «Современник», которым они руководили, группировались лучшие представители литературы и общества. Шевченко всегда с большой любовью относился к гениальным писателям — Пушкину, Лермонтову, Гоголю, Островскому, Салтыкову-Щедрину. Он очень высоко оценивал революционный подвиг декабристов, которых называл «первыми благовестителями свободы». С благоговением относился к пламенным проповедям Герцена. Сближение Шевченко с группой Чернышевского и Добролюбова является закономерным и органическим. Оно является продолжением его предыдущей деятельности и творчества.

С любовью революционные демократы относились к Шевченко. Один из участников литературных вечеров описывает в своих воспоминаниях такой случай: как-то раз к Костомарову пришел Чернышевский и рассказывает:

> «Еду я это сюда мимо думы, коли глядь на небо — и диву дался: что за история творится на небе и во всей вселенной? Там появилась какая-то новая, неведомая звезда, да такой величины и блеска, такое светило, что пожалуй, и Сириусу и Арктуру нос утрет. Коли подъезжаю сюда, глядь, а звезда эта как раз над «Балалаевкой». [1]) Это над Тарасовою головою взошла новая звезда».

---

[1]) «Балалаевка» — так в шутку называли гостиницу «Балабановку», где жил Костаморов и где состоялись литературные вечера с участием Т. Г. Шевченко.

С Чернышевским Шевченко был в близких и дружественных отношениях.

Революционный демократ-поэт и переводчик Н. Курочкин писал Шевченко:

> «Перевел я, Тарасенька, твои «Слезы», удачно ли, — не знаю. Что это тебя не видно?.. Доставь же мне еще что-нибудь из твоих заветных стихотворений. Всей душой любящий тебя Курочкин».

Когда Шевченко был еще в Нижнем Новгороде, он получил письмо от Кулиша, Костомарова и других, в которых они расхваливали нового царя и ожидали от него всяких свобод. Кулиш не советовал Шевченко печатать новую поэму «Неофиты», считая, что не следует будто бы напоминать «доброму сыну», т. е. Александру II, о недобрых делах его отца Николая I.

Приехав в Петербург, Шевченко еще более убеждается в несостоятельности надежд своих «земляков». Он пишет здесь одно из самых революционных и гневных своих произведений.

...Добра не ожидай,
Не ожидай желанной воли:
Приспал ее царь Николай;
Уснула и не встанет боле
Она сама. Чтобы разбудить
Больную волю, надо миру
Собраться, обух закалить
И наточить острей секиру —
Да и начать тогда — будить...

Это стихотворение распространилось в списках и сыграло такую же революционную роль, как призыв Чернышевского — «К топору зовите Русь»...

Тарас Григорьевич жил при Академии художеств в предоставленной для него комнате. Он усиленно занимался офортами, гравированием на

меди. За большие успехи в этой работе в 1860 г. ему присвоили звание академика.

Круг его знакомых все более расширяется. Кроме уже названных революционных демократов, он познакомился здесь с замечательным русским писателем И. С. Тургеневым. В своих воспоминаниях о Шевченко Тургенев писал:

> «Талант его привлекал нас своей оригинальностью и силою... Раз, помнится, он прочел при мне свое прекрасное стихотворение «Вечер» («Садок вишневий») и прочел его просто и искренне. Сам он был тронут и тронул всех слушателей: вся южно-русская задумчивость, мягкость и кротость, поэтическая струя, бывшая в нем, тут ясно выступила на поверхность».

Очень высокого мнения был Тарас Григорьевич о «народных рассказах» Марко Вовчок.[1]) Лишь в Петербурге он познакомился с этой замечательной украинской писательницей. И в стихотворении, посвященном ей, он называет ее «моя ти, дочка».

Подружился Тарас Григорьевич с великим негритянским актером-трагиком Ольриджем. Был также знаком с певицей И. Л. Гринберг, пение которой он с увлечением слушал.

Шевченко принимал участие в литературных вечерах, был в курсе общественно-политических событий. Вместе с Чернышевским, Некрасовым и другими демократами он подписал протест против антисемитского выступления реакционного журнала «Иллюстрация», который издавался в Петербурге.

В мае 1859 года Шевченко, получив разрешение, выехал на Украину. Это было его последнее путешествие. Из столицы вслед за ним было разослано распоряжение всем местным жандармским управлениям: установить строгий надзор за поэтом.

[1]) Псевдоним писательницы М. Маркович.

VII.

Недолго путешествовал Шевченко по Украине. Прибыл он сюда в конце мая 1859 года, посещал старые знакомые места, встретился с сестрой Ириной и другими родственниками. Почти все время он проводил с крестьянами на поле; беседовал с ними о земле и о том, что от царя нечего ждать освобождения, что трудовому народу не нужны ни цари, ни паны, ни попы.

Поэт имел большое желание поселиться совсем на Украине, где-то на берегу Днепра, но паны боялись столь опасного соседа и не хотели продать ему надел земли. Киевский генерал-губернатор заявил, что если бы Шевченко пожелал поселиться в этой местности, то он постарался бы не допустить этого.

13 июля Шевченко арестовали за «богохульство». Под полицейским надзором его отправили в Киев. Здесь его освободили и посоветовали немедленно оставить Украину. Поэт вернулся в столицу.

В Петербурге в 1860 году вышло новое издание «Кобзаря». Революционная демократия тепло встретила книгу. Добролюбов в своей прекрасной статье писал:

> «Он — поэт совершенно народный, такой, какого мы не можем указать у себя. Даже Кольцов не идет с ним в сравнение, потому что складом своих мыслей и даже своими стремлениями иногда отдаляется от народа. У Шевченко напротив, весь круг его дум и сочувствий находится в совершенном соответствии со смыслом и строем народной жизни. Он вышел из народа, жил с народом, и не только мыслью, но и обстоятельствами жизни был с ним крепко и кровно связан».

В Петербурге Шевченко пишет ряд новых стихотворений, направленных против религии и против царя.

О люди бедные земные!
Зачем же нужны вам цари?
Зачем же нужны вам псари?
Ведь люди вы, а не борзые!

Поэт глубоко верит, что скоро настанет счастливый день, когда:

...люди тихо
Без всякого лихого-лиха
Царя на плаху поведут!

И тогда освобожденный народ будет хозяином своей доли:

Оживут озера, степи,
И не верстовые,
А широкия, как воля,
Дороги святые
Опояшут мир.

Поэт с вдохновением предвидит, что скоро:

Взрастет народ. Царьки умрут
И те, что будут лишь зачаты...
И на вспрянувшей земле
Врага не станет, супостата,
И в каждом будешь видеть брата
И люди будут на земле.

* * *

Шевченко занимается вопросами народного просвещения и издает «Букварь» для сельских школ. В последние месяцы своей жизни он с грустью думает о том, что его родные братья и сестры еще до сих пор крепостные, и хлопочет об их освобождении.

Он мечтает о женитьбе, о поселении на берегу Днепра и просит своих знакомых быстрее купить надел земли и построить хату.

Но здоровье его было уже надломлено. Еще в ссылке он страдал ревматизмом, цынгой, болел глазами. Теперь болезнь приковала его к постели.

В день своего рождения 9 марта Шевченко получил несколько приветственных телеграмм. Его приглашали приехать на Украину, желали ему долго здравствовать. А утром 10 марта 1861 года Шевченко скончался.

Не стало великого украинского поэта. Столичная официальная пресса ни одним словом не обмолвилась о смерти Шевченко.

Но широкие народные массы отдали ему последний долг.

Похоронили поэта в Петербурге на Смоленском кладбище. Над свежей могилой было произнесено много речей на русском и украинском языках. С теплым словом от революционной демократии выступил друг Шевченко Н. Курочкин:

> «Еще одна могила раскрылась перед нами! Еще одна чистая, честная, светлая личность оставила нас; еще один человек, принадлежавший к высокой семье избранников, высказавших за народ самыя светлые его верования, угадавший самыя заветные его желания и передавший все это неумирающим словом, — окончил горькую жизнь свою, исполненную борьбы за убеждения и всякого рода страдания. Вся его жизнь была рядом испытаний; едва под конец ему улыбнулось счастье; он видел начало того общественного дела, к которому стремился всей душой... Не дожил он до осуществления тех начал, распространению которых способствовал своими песнями... не о многих можно сказать как об нем: он сделал в жизни свое дело.
>
> Счастье в жизни было не для него, — его ждет другое, посмертное счастье — слава...

Великий русский поэт Некрасов написал стихотворение «На смерть Шевченко», в котором с сочувствием обрисовал горькую долю поэта. За границей Герцен на страницах газеты «Колокол» выразил печаль, охватившую лучших людей, выразил

возмущение против царизма, который преждевременно свел Шевченко в могилу.

В мае 1861 года друзья поэта, добившись разрешения, перевезли гроб с останками на Украину, и похоронили на «Чернечей» горе, недалеко от Канева.

Народные массы окружили могилу поэта любовью и уважением. На его могиле крестьяне из окрестных сел насыпали курган. Между крестьянами распространилось много революционных легенд о Тарасе Григорьевиче.

Местные паны-помещики заволновались, они боялись Шевченко при его жизни, боялись его и после смерти. Они хлопотали, чтобы могилу разрушили и перенесли тело поэта в другое место, «где собрания и демонстрации не могли иметь места».

Царское правительство строго запрещало отмечать юбилейные даты поэта. Особенно жестоко преследовалось чествование поэта в 1914 году, в столетие со дня рождения Шевченко.

В своей статье «К вопросу о национальной политике» Ленин писал:

> «Запрещение чествования Шевченко было такой превосходной, великолепной, на редкость счастливой и удачной мерой с точки зрения агитации против правительства, что лучшей агитации и представить себе нельзя.
>
> . . . . . .
>
> После этой меры миллионы и миллионы «обывателей» стали превращаться в сознательных граждан и убеждаться в правильности того изречения, что Россия есть «тюрьма народов».
>
> (Ленин, т. XVII, с. 324—325).

Лишь только после Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране чествование народного поэта превращается в большой культурный праздник.

В своем «Завещании» Шевченко призывал народ порвать цепи, завоевать волю.

И меня в семье великой,
В семье вольной, новой,
Не забудьте, помяните,
Добрым, тихим словом.

В великой многонациональной семье освобожденных братских народов нашей родины, озаренной солнцем Сталинской Конституции, мы вспоминаем поэта пламенным словом любви и уважения.

СССР — страна самой передовой культуры.

И в богатейшей, неисчерпаемой сокровищнице драгоценнейших культурных ценностей народов СССР виднейшее место занимает наследство великого украинского народного кобзаря.

В борьбе за торжество коммунизма это наследство оказывает нам немалую помощь.

Альтман П. И.

НА РОДИНЕ ШЕВЧЕНКО

К завалинке у сельсовета собрались колхозники поговорить о делах. На очереди серьезный вопрос: тесно стало десятилетке в ее помещении, надо строить новое большое здание. И еще — селу нужен отель. Ежедневно приезжают люди, а остановиться негде. Правда, в каждой хате найдется свежая постель и вкусный, сытный обед для гостя, но неудобно культурному селу отправлять приезжих «на постой».

Впрочем, под гостиницу уже отведен просторный каменный дом с широким крыльцом. Сейчас здесь живет один из знатных людей села — Харитон Прокопьевич — внучатый племянник великого украинского поэта — Тараса Григорьевича Шевченко. Но Харитону Прокопьевичу дана уже другая хата с большим фруктовым садом.

В селе Кирилловка, переименованном в Шевченково, немало родичей поэта. Многие здесь носят фамилию своего великого земляка, и каждый считает себя связанным родственными узами с ним. Не только Шевченки, но и Демченки, Пилипенки, Ковтуны и Бондаренки все стремятся перекинуть от себя родственный мостик к поэту. Не из каких-

либо корыстных побуждений. Никаких материальных выгод это родство не дает. Да и не нужны колхозникам села Шевченково эти выгоды.

Три колхоза села—«Червона зирка», «Ударник» и «Червоний партизан» славятся своей зажиточностью на всю округу. Урожай свеклы в этом году был великолепный. В амбарах полно хлеба нового урожая, а в кладовых хранятся еще прошлогодние запасы. У колхозников имеются коровы, свиньи, телята, домашняя птица.

Колхозы села Шевченково богатеют с каждым днем. Свыше 200 колхозников строят новые, просторные хаты, крытые железом или черепицей. Вновь отремонтировано каменное здание звукового кинотеатра. В бывшей церкви сейчас сельскохозяйственная школа. В селе имеется телеграф, телефон, библиотека, больница, аптека, 10 детских яслей. Село электрифицировано.

...Нет, не выгоды ищут от родства с Тарасом Шевченко его земляки. Здесь — законное чувство гордости своим великим односельчанином, своим селом. Старая Кирилловка, как и множество других сел и деревень, принадлежала раньше «дедичному владельцу господину генерал-поручику и разных орденов кавалеру, псковскому и смоленскому генерал-губернатору Вас. Вас. Энгельгардту». Он продавал крестьян, обменивал их на псов, проигрывал в карты, разлучал детей с родителями, вымотывал жилы у каждого крепостного, заставляя его непосильно работать на себя. Сохранилась таблица повинностей для крепостных Энгельгардта. «Каждая мужская душа употребляется на барщину 3 дня в неделю. Четырнадцатилетние крестьяне обложены 2-мя днями барщины». И еще: «крестьянам

сверх барщины вменено: ночной караул, земские натуральные повинности» и т. д.

Описывая свою хату, Шевченко говорил: «Чи есть у бога люте зло, щоб у тий хати не жило?» Хаты этой сейчас уж нет. Место ее занимает бюст Шевченко на высоком пьедестале. У подножья — обломок жернова с надписью от руки: «Тут була хата Тараса Г. Шевченко». Сохранился подвал, в котором прятался от злой мачехи юный Шевченко. Селяне указывают место, где когда-то была похоронена мать поэта, которую, по его словам, «молодую у могилу нужда та праця положила»...

В селе заканчивается оборудование большого, красиво оформленного здания — музея Шевченко.

...По главной улице села промчалась легковая машина. Обогнув бульвар, она остановилась у площади. Из кабины вышел старик. Его ждала группа приезжих: это единственный современник великого поэта, оставшийся в живых. Вместе с приезжими он направляется к бульвару. Здесь на площадке высится второй памятник Шевченко — скульптурная фигура с протянутой вперед рукой. Пьедесталом служит вытесанная из гранита скала, вокруг которой расположены фигуры героев из отдельных произведений Шевченко. Памятник сооружен на средства колхозников по проекту рабочего Терещенко.

Старика, приехавшего на машине, зовут Сакий Иванович Маломуж. Сакию Ивановичу сейчас 98 лет. Он на своей спине испытал всю тяжесть крепостной жизни и рекрутчины. Его рассказы о прошлом полны глубокого драматизма. Сейчас Сакий Иванович спокойно живет в родном богатом

селе. Дочь его — зажиточная колхозница, сын учится в Ленинграде.

В хате тихо, уютно. Зять Маломужа недавно вернулся с поля и собирается на репетицию: сельский драмкружок готовит к постановке новую комедию. Дочка просматривает поэму Шевченко «Катерина», которую ей придется читать на колхозном вечере.

И. РОДИН.

КАТЕРИНА

(В. А. Жуковскому на память 22 апреля 1838 г.) [1]

1.

Чернобровые, любитесь,
Да не с москалями: [2])
Москали — чужие люди,
Худо будет с вами.
Ведь москаль шутя полюбит
И шутя покинет;
Он в Московщину поедет,
А дивчина сгинет.
Пусть одна б, все ничего бы,
Но и мать родная
От тоски по ней погибнет,
За нее страдая.
Сердце с радостью завянет,
Коль причину знает;
А чужой не спросит сердца,
Девицу охает.

---

1) 22 апреля 1838 г. Шевченко был выкуплен у помещика Энгельгардта и освобожден от крепостной зависимости.

2) Москалями называли в то время на Украине солдат и офицеров царских войск. Как видно из дальнейшего, возлюбленным Катерины, обольстившим и обманувшим ее, был офицер — «барин».

Чернобровые, любитесь,
Да не с москалями:
Москали — чужие люди,
Только шутят с вами.

Не послушна Катерина
Ни отцу, ни маме,
И москаля полюбила, —
Сердце-то упрямо.
Полюбила молодого,
В садик с ним ходила,
И себя и свою долю
Там она сгубила.
Кличет мать ее на ужин, —
Дочка не приходит:
Где с дружком своим шутила,
Там и ночь проводит.
Не две ночи друга в очи
Карие лобзала,
И на все село дурная
Слава о ней стала.
Пусть, мол, эти злые люди,
Что хотят, гуторят:
Любит друга, и не слышит,
Что подкралось горе.

Вот пришли плохие вести,
Трубы затрубили;
Друг в Туреччину уходит: [1])
Девицу покрыли. [2])

---

1) В Туреччину — т. е. на войну с Турцией.

2) Девушка, родившая ребенка вне брака, называлась на Украине «покрыткой». «Покрытке» надевали головной убор замужних женщин («покрывали» ее), и она должна была постоянно носить его.

Ну, а ей и горя мало,
Что коса покрыта:
Потужить за друга — мило,
И любовь — защита.
Обещался чернобровый,
Если он не сгинет,
Обещался к ней вернуться, —
Будет Катерина
Москалю тогда женою
И забудет горе;
А пока пусть злые люди,
Что хотят, гуторят.
Не тоскует Катерина, —
Слезы утирает,
Что на улице дивчата
Без нее гуляют.
Не тоскует Катерина, —
Но с кручиной слезной
Ночью с ведрами выходит
За водою поздно,
Чтоб враги не увидали;
Подойдя к кринице, [1])
Под калину тихо станет,
Запоет про «Гриця», [2])
Так поет, что и калина
Плачет от печали.
А домой вернется, — рада,
Что не увидали.
Не тоскует Катерина.
Ничего такого!
У окна в платочке новом

---

1) Криница — колодец.
2) Известная украинская народная песня «Ой, не ходи, Грицю» — о девушке, отравившей парня за то, что изменил ей.

Друга ждет милого.
Ожидает Катерина...
Полгода проходит, —
Заболело возле сердца,
Боль все тело сводит.
Расхворалась Катерина,
Еле-еле дышит.
Вот и встала и за печкой
Колыбель колышет.
А над матерью глумятся
Бабы и толкуют,
Что москали возвратятся,
С дочкой заночуют:
«Чернобровая, твоя-то,
Не одна дивчина,
А муштрует, знай, за печкой
Москалева сына...
Чернобрового достала...
Знать, сама учила...»
Пусть бы вас, болтуньи злые,
То же зло побило,
Как ту мать, что вам на посмех
Сына породила!

Катерина, друг мой милый!
Горюшко с тобою!
Как ты будешь жить на свете
С малым сиротою?
Кто тебя приветит в свете
Ласково, бедняжка?
Мать, отец — чужие люди,
Жить у них так тяжко!

Вот здорова Катерина,
Фортку отворяет,
На дорогу долго смотрит,

Колыбель качает:
Смотрит, — нет его, и нету!
Что же, и не будет?
В садик свой пойти поплакать, —
Так увидят люди.
Солнце скрылось, — Катерина
По садочку ходит,
Сына носит и качает,
Взором сад обводит:
«Здесь с ученья поджидала,
Здесь мы с ним шептались,
Там же... там же... сын мой, сын мой!»
И слова прервались.

Зеленеют в том садочке
Черешни и вишни;
Как и прежде выходила,
Катерина вышла.
Вышла, да уж не запела,
Как тогда певала,
Когда в садик молодого
Друга поджидала.
Чернобровой не до песен,
Клянет свою долю,
И свою творят колдуньи
В это время волю, —
Выплетают злые речи.
Что ей делать с ними?
Был бы милый, чернобровый,
Справился б со злыми...
Так далеко чернобровый
И того не знает,
Как враги над ней смеются.
Как она рыдает.
Убит, может, чернобровый

За тихим Дунаем;
А быть может, в Московщине
Другую ласкает!
Нет, милого не убили, —
Он — живой, здоровый...
Где ж найдет такие очи
И черные брови?
Во всем свете, в Московщине
И за синим морем
Нет красивей Катерины, —
А спозналась с горем!
Очи карие да брови
Мать ей дать умела, —
Не умела дать ей в свете
Доли да удела.
А без доли белоличка,
Что цветочек в поле:
Сушит солнце, клонит ветер,
Всякий рвет по воле.
Умывайся ж, белоличка,
Частыми слезами!
Уж другими возвратились
Москали путями.

II.

Сел отец за стол и трустно —
На руки склонился
И на божий свет не смотрит:
Тяжко разгрустился.
Мать-старуха на скамейку
Села с ним рядочком
И сказала еле слышно
Со слезами дочке:

«Что же свадьба, моя доня? [1])
Где же твоя пара?
Где с подружками светилка, [2])
Сваты да бояра? [3])
В Московщине, моя доня!
Там ищи милого!
Да про мать свою ты людям
Не скажи ни слова.
Ох, в проклятую минуту
Я тебя родила!
Если б знала, до восхода б
Солнца утопила:
Чем солдаты, лучше б гады
Жрали наших дочек...
Моя доня, моя доня,
Розовый цветочек!
Словно ягодку иль пташку,
Холила, растила,
Да на горе... Моя доня!
Что ты натворила?..
Благодарность!.. Поищи же
На Москве свекруху!
Мне была ты непослушна, —
Слушай ту старуху!
Отыщи же ее, доня,
С нею оставайся,
Будь ты счастлива с чужими,
К нам не возвращайся!
Дитятко, не возвращайся

---

[1]) Доня — дочка.

[2]) Светилка — в украинских свадебных обрядах девушка, обычно сестра жениха или его близкая родственница. Она держала меч или саблю, украшенную цветами, в середину кот рых вставлялась свеча.

[3]) Бояре — на свадьбах дружки жениха и невесты.

Из чужого краю!..
Кто же здесь меня схоронит
Без тебя — не знаю.
Кто, как дочь родная, с плачем
Сложит в домовину? [1])
Кто посадит на могиле
Красную калину?
Душу грешную кто станет
Поминать с мольбою?
Моя доня, моя доня,
Ой, дитя родное!
Уходи же!..»

Еле-еле
Поблагословила:
«Бог с тобой!» — и на пол, словно
Мертвая, свалилась.

Молвил старый: «Что ж, бедняга,
Ждешь? Иди в дорогу!»
Зарыдала Катерина
Да бух ему в ноги:
«Уж прости ты мне, отец. мой,
Что я натворила!
Ты прости мне, мой голубчик,
Сокол ты мой милый!»
— «Пусть господь тебя прощает
Да добрые люди;
Помолясь, иди же с богом, —
Мне полегче будет».

Молча встала, поклонилась,
Вышла еле-еле;
Так отец и мать-старуха

[1]) Домовина — гроб.

Вмиг осиротели.
В садик свой пошла вишневый,
Богу помолилась,
Из-под вишни взяла землю,
На крест нацепила
И сказала: «Не вернуся!
Меня в дальнем крае,
Там, в чужой земле, чужие
Люди закопают;
А своей вот эта горстка
Надо мною ляжет
Да про долю, мое горе,
Чужим людям скажет...
Не рассказывай, голубка,
Где б ни схоронили,
Чтоб за грех на этом свете
Люди не бранили.
Ты не скажешь, — вот кто скажет,
Назовет родною!
Боже мой! Лихое горе!
Где же я укроюсь?
Я укроюсь, мой сыночек,
Одна под водою,
Ты грехи мои искупишь
В людях сиротою,
Без отца!..»

Селом проходит,
Плачет Катерина;
Голова в платке, в руках же
Она держит сына.
Вышла в поле, — сердце ноет;
Оглянулась, стала,
Покачала головою,
Да и зарыдала.

Словно тополь, стала в поле,
Где пути сошлися;
Как роса до всхода солнца
Слезы полилися.
За горючими слезами
Свет в глазах маячит.
Тихо сына приласкает,
Целует да плачет.
А ребенок, ангелочек,
Ничего не знает
И ручонками сорочку
Матери хватает.

Село солнце, за дубровой
Небо багровеет.
Утерлась, пошла дорогой...
Дальше... еле мреет.

На селе уж так-то много,
Долго толковали,
Да отец и мать речей тех
Уж не услыхали...

Так-то вот на этом свете
Люди ближних любят!
Того вяжут, того режут,
Тот себя сам губит.
А за что ж? Всевышний знает!
Свет, кажись, широкий,
Только негде приютиться
В свете одиноким!
Одного безмерной ширью
Доля награждает,
А тому оставит только
То, где погребают.
Где же добрые те люди,

С кем мы так желали
Вместе жить, любить их верно?
Пропали, пропали.

Есть на свете доля, —
С кем она спозналась?
Есть на свете воля, —
Да кому досталась?
Люди есть на свете, —
В золоте сияют,
Будто торжествуют,
А доли не знают,
Ни доли, ни воли!
Горько и обидно
Им носить наряды,
А заплакать — стыдно.
Золото возьмите, —
Вы богаты б стали,
Мне б остались слезы, —
Изливать печали;
Затоплю недолю
Быстрыми слезами,
Затопчу неволю
Босыми ногами!
Я тогда веселый,
Я тогда богатый,
Если сердцем воля
И просторы взяты!

III.

Стонут совы, спит дуброва;
Звездочки сияют;
У дороги, на просторе,
Суслики шныряют.
Люди добрые заснули;

Что кого стомило:
Кого счастье, кого горе, —
Ночка вся покрыла,
Всех, как мать, она покрыла,
Темнотой объятий.
Где ж Катруся приютилась?
В роще или в хате?
Или на поле под стогом
Сына забавляет?
Иль в дуброве за колодой
Волка ожидает?
Брови черные, не дай бог
С вами уродиться,
Коль за вас такой ценою
Надо расплатиться!
А потом-то что случится?
Будет горе, будет!
Встретятся пески сухие
И чужие люди,
Встретится зима лихая,
Ну, а он-то? встретит
И узнает Катерину,
Сына он приветит?
С ним Катруся позабыла б
Путь, пески и горе:
Он, как мать, приветит; словно
Брат, утешит вскоре.

Вот посмотрим и услышим...
Отдохну немного,
Укажу на Московщину
Я пока дорогу!
Дальний путь, отцы и братья,
Знаю его, знаю!
Даже сердце холодеет,

Только вспоминаю.
Я его когда-то мерял, —
Чтоб его не мерять!..
Рассказал бы это горе,
Да ведь кто ж поверит?
«Врет он, — скажут, — вишь, какой он!
(Правда, мне не в очи)
Только даром тратит речи
Да людей морочит».
Правда ваша! И на что же
Знать вам, люди-братья,
Что слезами перед вами
Стал бы изливать я?
Для чего оно? У всех же
Своего немало.
Чур ему!.. Возьму-ка лучше
Поскорей кресало [1])
Да табак, чтобы, поймите,
Дома не грустили;
Тяжко сказывать, чтоб людям
Мерзкое приснилось!
Пусть его возьмет нечистый!
Лучше помечтаю,
Где моя-то Катерина
С Ивасем блуждает.

За Киевом, да за Днепром
Идут темным бором
Чумаки, [2]) про пугача [3])

---

[1]) Кресало — огниво, кусок стали, при помощи которого высекали огонь из кремня.

[2]) Чумаки — украинские крестьяне, занимавшиеся извозом, возившие в Крым и на Дон хлеб, а оттуда — сушеную рыбу и соль.

[3]) Пугач — филин. Шевченко имеет в виду народную песню «Ой, сив пугач на могили».

Распевая хором.
Им навстречу, — с богомолья,
Видно, молодица.
Что ж заплаканные очи?
Что ж она томится?
Одежонка вся в заплатах,
На плечах корзинка,
На руке заснул ребенок,
А в другой — дубинка.
Повстречалась с чумаками,
Дитятку закрыла.
«Добры люди! В Московщину
Путь где?» — их спросила.
— «В Московщину? Этот самый.
Далеко ль дорога?»
— «Да в Москву иду. Подайте
На хлеб, ради бога».
Грош берет, сама трясется:
Брать его ей тяжко!
И на что же?.. А ребенок!
Мать она, бедняжка...
И пошла дорогой, плача,
В Броварах [1]) купила
Сыну пряник за полушку,
Собралася с силой...
Долго-долго горемыка
Шла, пути пытала;
Так случалось, что под тыном
С сыном ночевала...

За карие очи такая, вишь, плата:
Под тыном чужим токи слез проливать!

---

[1]) Бровары — местечко в Черниговской губ., близ Киева, через которое шла дорога в Москву.

Вот то-то ж, смотрите да кайтесь, дивчата,
Чтоб вам москаля не пришлося искать,
Чтоб вам не пришлось, как ей, поскитаться...
Ответа не будет, за что все бранятся,
За что не пускают в дома ночевать.

И не спрашивайте, — люди
Этого не знают,
Кого бог карает тяжко,
И они карают...
Люди гнутся, словно вербы,
Куда ветер веет.
Сиротинке солнце светит,
Светит, да не греет...
Люди б солнце заслонили,
Дай им только силу,
Чтоб сиротке не светило,
Слез не осушило.
Что ж ей так томиться надо,
Что же, боже милый?
От нее что надо людям?
Чем им повредила?
Чтобы плакала!.. Сердечко!
Не плачь, Катерина!
Людям пусть не видны слезы, —
Терпи до кончины!
Чтоб лицо не подурнело
С черными бровями,
Рано утром в темной роще
Умойся слезами!
Там поплачешь, не увидят
И не засмеются;
А сердечко отдыхает,
Пока слезы льются.

Такое-то, видите, горе, дивчата!
Играючи, кинул Катрусю москаль.
Недоля [1]) не видит, она ль виновата,
А люди хоть видят, да людям не жаль.
«Пускай, — скажут, — сгибнет плохая дивчина,
Когда не умела себя сберегать!»
Беречься вам надо в лихую годину, [2])
Чтоб вам москаля не пришлося искать!

Где ж Катруся бродит?
Под забором ночевала,
Раненько вставала,
Торопилась в Московщину;
Глядь, — зима настала.
Свищет в поле завируха,
Идет Катерина
В лаптях и в одной-то свитке[3]) —
Тяжкая кручина!
Идет Катря, ковыляет;
Смотрит, — что-то мреет.
Словно москали проходят?..
Тяжко!.. сердце млеет.
Полетела им навстречу,
Говорит: «Случаем
Нет ли моего Ивана?»
А те: «Мы не знаем».
Смех и шутки, — москали
В ус себе не дуют:
«Ай да баба! ай да наши!
Кого не надуют».
Посмотрела Катерина:

---

[1]) Недоля — горькая судьба, несчастье.
[2]) Година — время, час.
[3]) Свитка — верхняя одежда украинских крестьян из домашнего грубого сукна.

«То-то, вижу, люди!
Ну, не плачь, сынок мой, горе!
Что будет, то будет!
Уж пойду, — ходила больше...
Может быть, я сыну
Отыщу отца, ребенка
Передам, — и сгину!»

Воет, стонет ветер вьюжный,
Снегом крутит в поле;
Стала Катря среди поля,
Слезы льются вволю.
Утомилась завируха,
Кой-где повевает;
Все бы плакала Катруся, —
Слез уж нехватает.
Посмотрела на ребенка.
Он, умыт слезою,
Раскраснелся, как цветочек
Утром под росою.
Улыбнулась Катерина,
Горько улыбнулась,
А вкруг сердца словно змейка
Черная свернулась.
Молча поле оглядела;
Видит: лес чернеет,
А под лесом у дороги
Словно домик мреет.
«Подойдем, сынок! стемнело...
Может быть, и впустят;
А не впустят, так поищем
Для ночлега кустик.
Мы под хатой заночуем,
Мой сыночек, Ваня!
Где же ночевать ты будешь,

Как меня не станет?
Ты к собакам, мой сыночек,
Подходи, не к людям!
Злы собаки, — покусают,
Да бранить не будут,
Не расскажут, смеючися,
По всему по свету!..
Сирота я, горемыка,
Нет мне доли, нету!»

И пес бесприютный найдет свою долю,
И ласку сумеет сиротка сыскать;
И бьют, и бранят, и потащат в неволю,
Но все же, глумяся, не спросят про мать.
А вот про Ивася, так с детства узнают,
Пока еще мал он и не говорит.
На улице псы на кого же залают?
Кто голый, голодный под тыном сидит?
Вот, — личики смуглы, кудрявы головки...
Одно у них счастье, — чернеются бровки,
На них-то обрушат и зависть и стыд.

IV.

Где под горою дол широкий,
Как старики с челом высоким,
Дубы с гетманщины [1]) стоят;
Овраг запружен, вербы в ряд,
И льдом плененный пруд глубокий,
И проруби края блестят.
Вот на закате багровеет
Сквозь тучу солнце, и зашло,
Поднялся ветер; как повеет,

---

[1]) С гетманщины — со времени, когда Украиной еще правили гетманы (т. е. до 1764 г.)

Все скроется, везде белеет,
Лишь гул по лесу понесло.

Воет, свищет завируха,
По лесу завыло;
Словно море, в белом поле
Снегом закрутило.
Вышел из дому лесничий
На обход, да где там!
Так метелица заносит,
Что не видно света.
«Вот, гляди, какая вьюга!
Чур! тут не до леса!
Надо в хату... Что такое?
Ну их ко всем бесам!
Враг их, что ли, так торопит,
Словно и за делом.
Эй, Никифор! посмотри-ка,
Что-то забелело!»
— «Что, москали? где москали?»
— «Что ты? что с тобою?»
— «Где голубчики-москали?»
— «Там вон, под горою».
Полетела Катерина,
Даже не оделась.
— «Видно, крепко Московщина
Бедную нагрела!
Ночью только то и знает,
Что москаля кличет».
Через пни и по заметам
Мчится, еле дышит.
Боса стала средь дороги,
Утерлась руками.
А москали ей навстречу
Едут, все верхами.

«Мое лихо! моя доля!»
К ним она... вот глянет:
Впереди всех старший едет.
— «Милый ты мой Ваня!
Мой сердечный, мой любимый!
Да куда ж ты делся?»
Да за стремя ухватилась —
Он же огляделся
И коню вонзает шпоры.
— «Что ж ты убегаешь?
Иль забыл ты Катерину?
Или не узнаешь?
Посмотри ж, мой голубь сизый,
На меня взгляни же:
Это — я, твоя Катруся!
Стремена не рви же!»
Он не смотрит, погоняет,
Вот сейчас ускачет.
— «Подожди ж, мой голубь сизый!
Видишь, — я не плачу.
Не узнал ты меня, Ваня?
Сердце, оглянися!
Ей-же-богу, я — Катруся!»
— «Дура, отвяжися!
Возьмите прочь безумную!»
— «Боже мой! Ивася!
Так меня ты покидаешь?!
Ты же мне поклялся!»
— «Возьмите прочь! Что ж вы стали?»
— «Взять меня прикажешь?
Да за что ж, скажи, мой голубь!
Ты кому навяжешь
Свою Катрю, что к тебе же
В садик выходила,
Свою Катрю, что тебе же

Сына породила?
Мой отец, мой милый братец!
Хоть не отрекайся!
Я тебе служанкой стану...
С другою ласкайся,
С целым светом!.. Я забуду,
Что с тобой ласкалась,
От тебя имела сына —
И покрыткой стала...
Ой, покрыткой, — срам великий!
И за что я сгину!
Меня кинешь и забудешь,
Не покинь хоть сына!
Не покинешь? Мой сердечный,
Что ж ты убегаешь!
Вынесу тебе я сына».
Стремя оставляет,
Да и в хату. Возвратилась,
На руках сыночек;
Не спеленут и заплакан
Бедный ангелочек.
«Погляди же, вот ребенок:
Где же он? умчался?
Нет его!.. Отец от сына,
Горе, — отказался!
Боже мой!.. Да что ж, сыночек,
Делать мне с тобою?
Вы, москалики, возьмите
Мальчика с собою;
Люди добрые, возьмите.
Он ведь — сиротина;
Не оставьте и отдайте
Старшему за сына!
Не оставьте!.. Я покину,
Как отец покинул, —

Пусть его б не покидала
Лютая година!
Согрешила, — на свет божий
Сына породила, —
Вырастай же на смех людям!»
На снег положила.
«Поискать отца останься!
Я уже искала...»
Как безумная, с дороги
В лес, — дитя осталось,
Плачет бедное... Москалям
Что же! — ускакали.
Хорошо бы, да на горе
Лесники слыхали.

Катря бегает босая,
По лесу маячит,
То Ивана проклинает
То просит, то плачет.
Выбегает на опушку;
Молча оглянулась
Да в овраг... бежит, — вот прорубь;
Только там очнулась.
«Господи, прими ты душу,
Ты же — мое тело!»
В воду бух, под лед!.. Там что-то
Чуть зашелестело.

Отыскала Катерина
То, чего искала.
Над прудом повеял ветер, —
И следа не стало.

То не ветер, то не буйный,
Что дубы ломает;

То не горько, то не тяжко,
Что мать умирает.
Не сиротки-малолетки,
Что мать схоронили:
Добрая осталась слава,
Осталась могила.
Засмеются злые люди
Над сироткой малой:
Вылил слезы на могилу, —
Сердцу легче стало.
А ему, ему на свете,
Что ему осталось, —
И отец его не видел,
И мать отказалась!
Что безотчему осталось?
Кто с ним погуторит?
Ни родных ему, ни хаты;
Путь, пески да горе...
Лик барчонка, брови черны, —
Что ж? Чтобы узнали!
Очи, брови — мать не скрыла...
Лучше бы увяли!

V.

Кобзарь шел дорогой в Киев,
Сел и отдыхает;
Сумками обвешан, мальчик
Старца провожает;
Мал ребенок, — возле старца
Он на солнце дремлет;
Старый кобзарь стих Исусов
Всем поет, кто внемлет.
Кто идет, кто едет, всякий —
Бублик или грошик;
Кто кобзарю, — а дивчата

Кинут сумконоше.
На дитя они посмотрят:
Рваный, ножки голы.
«Бровки мать дала, — промолвят, —
Не дала лишь доли!»
Вот карета, тоже в Киев,
Едет шестернею,
Госпожа сидит в карете
С мужем и семьею.
Задержались против нищих,
Пыль на путь опала, —
Подбежал Ивась, — рукою
Дама подзывала.
Денежки дает Ивасю
Барыня, дивится.
Барин глянул, — отвернулся...
Узнает, стыдится.
Знает карие те очи,
Черные те брови,
Знает, а признать не хочет,
Подлый, своей крови.
Имя барыня спросила.
«Ивась». — «Какой милый!»
И помчалася карета,
Ваню пыль покрыла...
Посчитали, что им дали,
Малый да убогий,
На восток перекрестились
И пошли дорогой.

1838
Петербург.

ДУМКА [1])

Для чего мне черны брови,
Что мне кари очи?
Что мне девичьи забавы,
Что веселье ночи?
Молодые мои годы
Даром пропадают,
Очи плачут, черны брови
На ветру линяют.
Сердце вянет, свет мне тошен,
Как птенцу без воли.
Для чего же красота мне,
Если нету доли?
В этом свете сиротою
Тяжко, тяжко жить мне.
Свои люди, как чужие,
Не с кем говорить мне.
И никто меня не спросит,
Что же плачут очи,
И кому же расскажу я,
Чего сердце хочет,

---

[1]) Думка — небольшое лирическое стихотворение в духе народной песни, большей частью грустного содержания.

Чего сердце, как голубка,
День и ночь воркует;
Никто сердца не узнает,
Не поймет, не чует.
Что чужим до сиротинки?
Им и дела нету.
Пусть рекою слезы льются
Пусть проходят лета.
Плачь же, сердце, плачьте, очи,
Грудь покамест дышит,
Плачьте громче и грустнее,
Ветер пусть услышит,
Пусть несет мой плач далеко,
Да за сине море,
Чернобровому, лихому
На тоску, на горе!

1839
Петербург.

ДУМКА

«Горько, тяжко жить на свете
Сироте без роду:
Негде деться, приютиться —
Хоть с горы да в воду.
Утопился б горемычный,
Чтобы не томиться;
Утопился б... тяжко сердцу,
Негде схорониться.
У иного доля в поле
Колоски сбирает;
А моя далеко где-то
За морем гуляет.
Кто богат, того на свете
Люди уважают;
А меня, как повстречают,
Словно и не знают.
За богатым, тароватым
Девки так и вьются;
Надо мною, сиротою,
Красные смеются.
Аль пришелся не по сердцу,
Как с тобой спознался?
Аль люблю тебя некрепко?

Али насмеялся?
Ты люби, моя голубка,
Как умеешь-знаешь,
Да не смейся надо мною,
Ежели вспомянешь.
Я ж пойду бродить по свету...
Исхожу чужбину —
Аль найду тебя пригожей,
Аль, как лист, загину».

И пошел казак, горюя, —
Никого не кинул;
Думал — долю в чуждом поле
Сыщет — да и сгинул.
Умирая, все на солнце
Он глядел, печальный...
Тяжко с светом расставаться
На чужбине дальней!

1840
Петербург.

КАВКАЗ[1])

Искреннему моему Якову де-Бальмену [2])

Кто даст главе моей воду и очесем моим источник слез; и плачуся и день и нощь о побиенных...

Иеремия, глава 9, стих. 1.

За горами горы, тучею обвиты,
Горем изобильны, кровию облиты.
Спокон веку Прометея [3])
Там орел карает;

---

[1]) Поэма «Кавказ» — одно из самых политически острых произведений Шевченко. Поэт обличает в ней социальный и национальный гнет, царившие в Николаевской России, грабительскую колониальную политику самодержавия, религиозное лицемерие и внешнее благочестие, прикрывавшие и оправдывавшие ужасы крепостнического строя. Нужно иметь в виду, что в отдельных местах этой поэмы и в некоторых других произведениях Шевченко иронически употребляет слово «мы», говоря не о себе и своих единомышленниках, а о представителях дворянско-помещичьего класса, угнетателях трудового народа.

[2]) Я. П. Де-Бальмен (1813—1845) — приятель Шевченко, художник, погибший на Кавказе в Даргинском походе.

[3]) Прометей — олицетворение человеческого разума, полубог-получеловек, который, по верованиям древних греков,

Что ни день, то бьется в ребра,
Сердце разрывает;
Разрывает, но живучей
В нем не выпьет крови:
Сердце снова оживает
И смеется снова.
Не умрет и наша правда,
Не умрет и воля;
Как ни жаден, не распашешь
Под волнами поля,
Не скуешь живую душу
И живое слово,
Не нарушишь славы бога,
Господа живого.

Не нам с тобой затеять споры,
Не нам дела твои судить:
Нам только плакать, плакать, плакать
И хлеб насущный замесить
Кровавым потом и слезами!
Глумятся палачи над нами,
А правда наша спьяна спит!

Так когда ж она проснется?
И когда же ляжешь
Спать, о боже утомленный,
Да и нас развяжешь?
Верим мы, что ты — могучий
Дух живой свободы:
Встанет правда, встанет воля

похитил для людей божественный огонь с неба. За это он был прикован к скале на Кавказских горах, и орел каждый день пожирал его печень, выраставшую ночью снова. Прометей в поэме Шевченко — образ угнетенных народов Кавказа и вообще всех угнетенных народов царской России.

В день, как все народы
Одного тебя прославят
Во веки и в веки.
А теперь — струятся реки,
Всюду крови реки...

За горами горы, тучею обвиты,
Горем изобильны, кровию облиты.
Вот там-то Милостивый Мы [1])
Пленили, голодну и голу,
Несчастных горцев здешних волю,
Чтобы травить ее... Костьми
Легло солдат в горах немало
А слез, а крови! Напоить
Всех императоров бы стало,
С потомством их, и утопить
В слезах вдовиц. Во мраке ночи
Что дев повыплакали очи!
А материнских жарких слез,
Отцовых, старческих, кровавых,
Не реки, — море пролилось,
Пылающее море!.. Слава
Охотникам, гончим, псарям
И нашим батюшкам царям
Слава!

Слава, горы снеговые
В облаченьи строгом;
Слава рыцарям великим,
Не забытым богом!
Поборитесь, — победите

---

[1]) Милостивый Мы — насмешка над царскими манифестами, начинавшимися словами: «божьей милостью, мы, император и самодержец всероссийский» и т. д.

Бог вам помогает;
С вами сила, с вами воля,
Правда в вас святая!

Чурек и сакля [1]) — все твое!
Достаток твой не дан, не прошен,
Никто не скажет: «все — мое!»
И ты в тюрьму не будешь брошен.
У нас не то. Учились мы,
Читаем божьи мы глаголы,
И от избушки иль тюрьмы
И до высокого престола
Мы все и в золоте и голы.
Иди учиться к нам! Сочтем,
Что стоит хлеб и соль почем;
Мы — христиане; храмы, школы,
Все доброе, сам бог у нас!
Нам только сакля очи колет:
Зачем она стоит у вас,
Дана не нами? Что же вам
Чурек ваш вам же мы не кинем,
Как той собаке? Что же вы нам
Платить за солнце не повинны?
Ведь только это! Не цыгане
Мы, — истинные христиане;
Мы малым сыты! А за то,
Что с нами вы бы подружились,
Вы многому бы научились,
Ведь и земли ж у нас на то:
Одна Сибирь необозрима!
А тюрем! Люду!.. Что считать!
От молдаванина до финна
На всех наречьях все молчат,

---

[1]) То-есть хлеб и жилище.

Так благоденствуют!.. [1]) У нас
Святую библию читает
Святой чернец и поучает,
Что царь свиней какой-то пас,
Убил он друга, на потребу
Себе вдову взял, после ж в небо
Взлетел! Такие-то у нас
Сидят на небе! Вы же темны,
Святым крестом не просвещенны!
Научитесь у нас: дери,
Дери да дай,
И прямо в рай,
Хоть и родню всю забери!
У нас, — чего мы не умеем?
Считаем звезды, гречку сеем,
Браним француза,[2]) продаем
Иль в карты спустим под хмельком
Людей, — не негров, а таких,
Как мы, крещеных, но простых.
Мы не испанцы![3]) Воровского,
Спаси нас бог, не продаем,
Мы по законам все живем».

---

[1]) Язвительная насмешка над казенными монархическими писаниями и разговорами о «благоденствии» народа в крепостнической России. Высмеивая их, Шевченко подчеркивает, что причиной молчания является, разумеется, не благоденствие, а, напротив, полное бесправие, безысходная нужда и задавленность народных масс.

[2]) Речь идет о преследовании сочинений французских передовых писателей и мыслителей цензурой и реакционной критикой.

[3]) Говоря о купле и продаже крепостных в России, Шевченко сравнивает ее с торговлей неграми-невольниками, широко распространенной еще в XIX в., а помещиков — с испанскими работорговцами.

По апостольскому слову
Любите вы брата?
Суесловы, лицемеры,
Господом прокляты!
Вы у брата полюбили
Шкуру, а не душу,
И дерете по закону:
Дочери на шубку,
Детям тайным на прожиток
И жене на обувь,
А себе на то, что дома
Вызвало бы злобу!

За кого ж ты на распятье
Шел, Христос, сын божий?
За людей твоих? За слово
Истины? Быть может,
Чтоб мы над тобой смеялись?
Так оно и сталось.

Часовни, храмы и иконы,
Подсвечники и мирры дым
И перед образом твоим
Неутомимые поклоны
За кражу, за войну, за кровь:
Над братьями победы просят,
А после в дар тебе приносят
С пожара скраденный покров...

Просветились, и народы
Сами просвещаем, —
Пусть незрячим солнце правды
Очи озаряет.
Все покажем, лишь склонитесь
Прежде перед нами:

Как везде настроить тюрем,
Как вас с кандалами
Управляться, как вам кнутья
Заплетать узлами, —
Выучим всему, лишь дайте
Взять нам ваши горы
Последние... ведь уж взяли
И поля и море!

И тебя загнали, друг ты мой единый,
Яков мой любимый! Не за Украину,
За ее тирана [1]) довелось пролить
Ключ горячей крови, — довелось испить
Из московской чаши горькую отраву.
Яков, друг мой добрый, друг, достойный славы!
Ты над Украиной, дух живой, витай;
Мчися с казаками по-над берегами,
Взрытые курганы в степи озирай,
Плача с казаками дробными слезами,
И меня из ссылки в степи поджидай!

А до тех пор буду сеять
Думы я и горе
Лютое мое: пусть всходят
И с ветрами спорят...
Ветер тихий с Украины
Донесет с росою
До тебя все эти думы;
Братскою слезою
Ты их, друг мой, тихо встретишь
И читать их станешь

---

[1]) Тиран — Николай I.

И курганы, степи, горы
И меня вспомянешь.

18 ноября 1845
Переяслав.

* * *

Проходят дни, проходят ночи,
Проходит лето, шелестит
В засохших листьях; гаснут очи
Заснули думы, сердце спит;
И все заснуло, и не знаю,
Живу ли я, иль доживаю,
Иль так по свету я влекусь,
И уж не плачу, не смеюсь...

Доля, где ты? Доля, где ты?
Ничего ль не стою?
Если доброй жаль, о боже,
Надели хоть злою!

Но не дай спать ходячему,
Сердцем замирая
И гнилою колодою
По свету валяясь,
А дай жить мне, жить мне сердцем,
Чтоб людей любил я,
Если ж нет, то проклинал бы,
Весь бы свет спалил я!

Тяжело носить оковы,
Умирать в неволе,
Но все спать да спать — тяжеле,
Спать вот так, на воле,
И бесследно и навеки
Умереть! На белом
Свете жив ли ты иль сгинул, —
Людям что за дело!..

Доля, где ты? Доля, где ты?
Ничего ль не стою?
Если доброй жаль, о боже,
Надели хоть злою!

21 декабря 1845 г.
Вьюныща.

* *
*

Как умру я, схороните
Меня на кургане, —
Там, где степь Украйны милой
Синеет в тумане, —
Чтоб и Днепр, и нив раздолье
И берега кручи
Было видно, — было слышно,
Как ревет ревучий!

А когда помчит с Украйны
Он в синее море
Вражью кровь, тогда и нивы
И холм на просторе —
Все покину и взовьюся
До божья чертога
Помолиться. А дотоле
Я не знаю бога!

Схороните, да вставайте,
Оковы порвите
И свободу злою вражьей
Кровью окропите!
И меня в семье великой,
В семье вольной, новой,
Не забудьте — помяните
Незлым, тихим словом!

25 декабря 1845 г.
Переяслав.

РУСАЛКА

Родила она меня
Во дворце высоком
И к Днепру снесла — купать
В омуте глубоком,
И баюкала меня
Тихими словами:
«Дочь моя, плыви, плыви
По Днепру с волнами
И русалкою всплыви
Завтра в тьме полночной,
И, когда я с ним гулять
Выйду в час урочный,
Ты его защекочи, —
Пусть он не смеется
Надо мною, молодой,
Пусть он пьет-упьется
Не ручьями слез моих —
Синею водою.
Пусть гуляет он в Днепре
С дочкою родною.
Дочь моя, плыви, плыви
С синими волнами.
Приюти же, Днепр, ее!» —

Залилась слезами —
Убежала... Я плыла
Тихо за водою.
Сестры встретили меня,
Увели с собою.
Дней уж семь я здесь живу,
С сестрами играю,
В час полуночный отца
С ними поджидаю.
Но, быть может, вновь сошлась
Мать моя с вельможей,
Наслаждается опять
На преступном ложе.
И русалочка в Днепре
Скрылася — плеснулась,
Словно рыбка, и лоза
Тихо покачнулась.

На прогулку вышла мать;
Что-то ей не спится.
Пана Яна дома нет,
Не с кем веселиться.
И к Днепру она сошла...
Вспомнила, что было:
Как малютку принесла,
Что ей говорила...
И не стало жаль. Ушла:
Время спать настало.
Да не дома, а в Днепре
Мать заночевала.
Не опомнилась — ее
Девушки схватили,
Стали резво щекотать, —
Рады: изловили.
И русалочья семья

Мать защекотала
И втолкнула в сети труп
И захохотала...
Лишь русалочка одна
Не захохотала...

9 августа 1846 г.
Киев.

* *
*

Три широкие дороги
Встретились — сошлись;
На чужбину из Украйны
Братья разошлись.
Мать покинули; расстался
Первый брат с женой,
А второй — с сестрой; с невестой
Разлучен меньшой.
Три ясеня посадила
В поле мать; жена
Посадила тополь стройный,
Горем сражена.
Три явора посадила
Над рекой сестра,
А невеста поливает
Калину с утра.
Три ясеня не принялись,
Тополь засыхает,
Чахнут яворы, калина
Тихо увядает.
Не вернулися три брата...
Плачет мать-старуха,
А в избе холодной плачут
Дети с молодухой.
И сестра искать уходит
Братьев на чужбине

А невесту опускают
В землю в домовине.
Не вернулися три брата
Никогда домой;
Три широкие дороги
Заросли травой.

Май 1847 г.
Петербург (в тюрьме).

Н. КОСТОМАРОВУ [1])

Лучи закатные играли
В весенних тучах золотых;
Гостям, в оковах, чай давали
И часовых кругом меняли,
Синемундирных часовых. [2])
К дверям своим, на ключ закрытым,
К решетке мрачной на окне
Привык немного я, и мне
Не жаль уж было тех изжитых,
Ушедших в вечность, позабытых,
Моих кровавых, горьких слез...
А их так много пролилось
На ниве безотрадной жизни!
Ничто на ниве не взросло...
И вспомнил я свое село:
Кого оставил я в отчизне,
Какому сердцу дорог я?..
В гробу отец и мать моя,
Они давно взяты могилой, —

---

[1]) Н. И. Костомаров (1817—1885)—историк и писатель, арестованный вместе с Шевченко за участие в Кирилло-Мефодиевском братстве.

[2]) Синий мундир — жандармская форма.

И скорбь мне душу омрачила,
Что некому в родной стране,
Рыдая, вспомнить обо мне...
Вдруг вижу: брат мой, друг мой милый!
К тебе старуха-мать пришла...
Она с креста казалась снятой,
И страшен был в лучах заката
Землистый цвет ее чела...
Тебе хвалу, господь суровый,
Я не устану возносить
За то, что не с кем мне делить
Мою тюрьму, мои оковы!..

19 мая 1847 г.
Петербург (в тюрьме).

ВЕЧЕР

Вишневый садик возле хаты.
Хрущи [1]) над вишнями снуют.
С плугами пахари идут.
Поют, идя с работ, девчата,
А дома с ужином их ждут.

Семья садится в круг под хатой.
Звезда вечерняя встает.
Дочурка ужин подает.
Мать на советы таровата,
Но соловейко не дает.

Мать уложила возле хаты
Детишек маленьких своих,
Сама уснула возле них.
Затихло все... Только девчата
Да соловейко не затих.

1847 г.
Петербург (в тюрьме).

* * *

Нет горше муки, как в неволе
Про волю вспоминать... А я
Тебя все вспоминаю, воля,
Былая волюшка моя!
Ты никогда мне не казалась

---

[1]) Хрущ — майский жук.

Такою свеже-молодой,
Ты никогда мне не являлась
Такой пленительной мечтой,
Как в эти дни в степи чужой,
В неволе тяжкой... Счастье-доля!
Средь песен сгубленная воля!
Хоть покажись из-за Днепра,
Хоть улыбнись, моя сестра!

И ты, моя единая,
В безбрежности горя,
Звезда моя послушная,
Встаешь из-за моря!
И ты, моя единая,
Ведешь за собою
Далекие дни юности, —
И вот предо мною
Расстилаются, как море,
Широкие села,
И садики вишневые,
И народ веселый.
И то село, где некогда
Меня, словно брата,
Все приняли. Там мать моя,
Там матери хата.
Все так же ли в ней сходятся
С словами привета —
По-давнему, по-старому
Гулять до рассвета?
А вы, мои красавицы,
Веселые птички!
Все так же ль там под музыку
Стучат черевички? [1])

[1]) Черевички — башмаки.

Все пляшете, щебечете,
Смеетесь поныне?
А ты, моя желанная,
Отрада, святыня,
Мечта моя прекрасная,
Доныне ль меж ними
Ты плаваешь лебедушкой,
Очами своими —
И синими и темными —
Всем сердце чаруя?
Досель еще любуются,
О счастье тоскуя,
Красой твоей? Одна моя
Святыня на свете!
Когда тебя красавицы
Обступят, как дети,
И с радостным щебетаньем
Веселиться станут,
Быть может, кто обмолвится
И меня помянет
Хоть каким недобрым словом, —
Пошли на край света,
Любимая, невольнику
Улыбку привета!
Пускай из них улыбку ту
Никто не заметит,
Душа ж моя в изгнании
Молитвой ответит.

1848
Кос-Арал.

* * *

Немытое небо и волны сонливы,
И по-над берегом, вдали,
Камыш, как пьяный, до земли

Без ветра гнется!.. Боже милый!
О, долго ль буду я во тьме
В моей незамкнутой тюрьме
Над этим никудышным морем
Стоять с таким безмерным горем?
Колеблется, как бы жива,
В степи поблекшая трава.
Не хочет правды говорить...
А больше некого спросить!

1848
Кос-Арал.

* * *

И вырос я в чужом краю,
И вот седею на чужбине;
И одинок я, как в пустыне,
И оттого мечту мою
Наш славный край и Днепр наш синий
Чаруют так. Но вижу сам,
Что правда: хорошо лишь там,
Где нас нет. В черную годину
Меня ненастье занесло
Туда, в родную Украину
И в то найлучшее село,
Где мать когда-то пеленала
Меня малюткой, не спала,
Гроши работой добывала
На свечи, в церковь их несла,
Пречистой ставила, молила,
Чтоб доля добрая любила
Ее ребенка... Благо, мать,
Что ты легла заране спать:
Не раз бы прокляла ты бога
За мой удел...
Как горя много

В хорошем том родном селе!
Земли чернее, по земле
В нем бродят люди. Поредели
Его зеленые сады,
Избушки белые осели;
Осокой заросли пруды;
Село как будто погорело,
Село как будто оглупело, —
Молчат — на барщину идут
И за собой детей ведут.
. . . . . .
И я, заплакавши, назад
Уехал снова на чужбину.

И не в одном селе родном, —
Везде на славной Украине
Людей гоняют под ярмом
Паны лукавые. Гнут спины
Свободных рыцарей сыны: [1])
В неволе жить и умирать им.
А их презренные паны
Ростовщикам; своим собратьям,
Продать готовы и штаны...
. . . . . .
Ох, тяжело, страдая втайне,
В пустыне этой пропадать;
Но хуже, хуже на Украйне
Смотреть, и плакать, и молчать.

Когда не видишь тех страданий,
То кажется, что всюду рай,
Что счастлив мой родимый край.
Вот старый Днепр блестит в тумане

---

[1]) То-есть потомки украинских казаков, не знавших крепостного права.

Улыбкою сыну,
Красуется, любуется
На всю Украину.
А над ним в садах зеленых
Раскинулись села,
А в веселых этих селах
И народ веселый...
Так бы, может быть, и сталось,
Если б не осталось
Панского следа в Украйне!..
. . . . . .

1848
Кос-Арал.

* * *

Приведись тебе в деревне
Нашей паном стать,
Ты б узнал тогда, приятель,
Как их называть,
Этих девушек несчастных,
Прихоть барчуков.
Ты тогда не повторял бы
Бесполезных слов:
«Мы покажем тех несчастных
В страшном горе их,
Мы развратников отучим
От забав таких!»
Пустяки! Пока есть села
И паны в них есть,
Не спасти красу девичью
И девичью честь;
И погибшие созданья,
Веселя солдат,
В кабаках слоняться будут...
Не усердствуй, брат!
— Ладно, ладно! Ну, а все же

Вот еще рассказ, —
Уж последний... Это будет,
Барчуки, для вас!
У пана сено убирали.
Был полдень. Девушки сгребали,
А парни копны клали в ряд
И все на солнце взгляд бросали,
Да девкам глупости болтали
С обычной дерзостью ребят.
В ответ им девки, как сороки,
Не уставали стрекотать
И к роднику среди осоки
Всё убегали отдыхать.
Первая из них красотка
Свой кувшин взяла
И в лозняк густой, к колодцу
По воду пошла.
Ждать-пождать, а девки нету...
Что ж приказчик стих?
Отчего не примечает
Вольностей таких?
Нет, он видит, примечает,
Но недаром бит:
Все он понял, пес лукавый,
Понял и молчит.
Вдруг далеко, меж кустами,
Начали кричать;
Парни бросились толпою
Девушку спасать.
Глядь, а там барчук-подросток
Дикое творит —
Хищно девушку терзает...
Бедная кричит...
Парни ропщут, да боятся
Тронуть барчука.

У самого ж молодого
Поднялась рука:
Оглянулся, вскинул вилы
И вперед шагнул —
И поганца, как лягушку,
Вилами проткнул.
Вскрикнул тот и растянулся...
Поминай, как звать!
Что ж теперь? Потолковали,
Дали в город знать.
А на утро суд наехал,
Как толпа гостей:
Знатно выпили, поели,
Скликали людей,
Допросили, записали,
Как и почему,
А парнишку заковали
И свели в тюрьму...

У большой дороги в поле
Шатром наклонилась
Верба старая. Под нею
Корчма приютилась.
Под корчмою арестанты,
Измучены зноем,
Отдохнуть в степи присели
С усталым конвоем.
Кто беседует, кто дремлет,
Кто так отдыхает.
А с проселка на дорогу,
Гремя, выезжают
На трех тройках поезжане; [1])

[1]) Поезжане — свадебные гости и дружки, участники свадебного «поезда».

К корчме подкатили,
У крыльца остановились;
Уж лошади — в мыле,
Да и девки петь устали...
Невеста слезает
И по чарке доброй водки,
Склонясь, предлагает
И невольникам несчастным
В цепях и стороже.
Вдруг взглянула — онемела:
Узнала... О, боже!
Меж невольниками, в путах,
Он самый, единый,
Он, ее несчастный мститель...
С полей Украины
Он в Сибирь идет на горе,
На тяжкие муки,
И цепями-кандалами
Окованы руки.
Он уйдет, а ты спокойно,
Оставшись на воле,
Будешь жить, про все забывши,
В довольстве и холе?
И уж больше не услышишь
Цепей этих звона
И, за далью безответной,
Вседневного стона?..
И невольнику привета
Она не сказала;
Из дрожащих пальцев чарка
Скользнула-упала...
Только — взгляд... А что сказал он,
Известно лишь богу.

Вот сначала поезжане
Пустились в дорогу.

А потом и арестанты,
Звеня кандалами,
Вслед за ними зашагали
Босыми ногами...
И корчма одна, покуда,
С шинкаркой осталась...
Только пыль, что тройки взбили,
Кругом расстилалась
Пред корчмой. Вот за курганы
Ушли арестанты...

Вот и смерклось... Полон хутор
Гостей; музыканты
Не смолкают — все играют,
А гости пируют,
А красавицы в монистах [1])
И парни танцуют.
Вот и полночь средь веселья
Уже наступила.
Дали знак постельной свахе, —
Постель обрядила.
А невеста молча вышла
Из хаты и скрылась...
Звали, звали, — как сквозь землю
Она провалилась.
До рассвета проискали.
Напрасно! Пропала...
За несчастным арестантом
В Сибирь убежала...

1849
Кос-Арал.

* * *

Когда б вы знали, господа,
Где люди плачут, вы тогда

[1]) Монисто — ожерелье, бусы.

Своих идиллий [1]) не творили б
И бога всуе не хвалили б,
Не умилялись бы всегда!
За что, не знаю, называем
Мы хату в роще — тихим раем...
Там, в хате, мучился и я,
Там первая слеза моя
Когда-то пролилась! Не знаю,
Найдется ли у бога зло,
Что эту хату обошло!
А хату раем называют!

Не буду называть я раем
Ту хату, что в лесочке, с края
Села, над озером была:
Ах! Там меня мать родила,
Там, распевая, пеленала
И песней скорбь переливала
В свое дитя. Я в хате той
И в том леску — не рай святой
Нашел, но ад... Ведь там — работа,
Неволя, вечная забота
И помолиться не дают!
Там мать мою нужда и труд,
Осилив молодую силу,
Свели безвременно в могилу;
С детьми поплакал там отец
(Мы были малы, были голы)
И, не стерпев судьбы тяжелой,
На барщине нашел конец.
Мы расползлись, как мышенята,
По людям. Взят был в школу я,

---

[1]) Идиллия — здесь в смысле: произведение, рисующее безмятежно-мирную, счастливую жизнь.

Чтоб воду приносить ребятам;
На барщину пошли братья,
Потом забрали их в солдаты...
А сестры... сестры! Горе вам!
Мои голубки молодые!
Вы для кого живете там,
Растя в батрачках, всем чужие?
В батрачках станете седые,
И умереть в батрачках вам!

Я содрогаюсь, вспоминая
Ту хату, на краю села!
Такие, боже наш, дела
Творим мы в этом нашем «рае»,
На праведной земле твоей!
Ад сотворили мы на ней,
И просим мы иного рая!
Мы мирно с братьями живем:
На наших братьях ниву жнем,
Ее слезами поливая!
А может быть... (Нет, я не знаю,
Но кажется...) Быть может, ты
(Ведь мы, не будь твоей же воли,
В раю не гибли б в горькой доле!)
Ты сам, с небесной высоты,
Смеешься, отче наш, над нами,
Тайком держа совет с панами,
Как править миром? Глянь сюда:
Зеленый лес шумит; пруда
Струи за зеленью сверкают,
Простерты ровным полотном;
А вербы гнутся над прудом
И ветви легкие купают
В воде тихонько... Правда, рай?
Но загляни да разузнай,

Что там, в земном раю, творится!
Там, верно, радость и хвала
Тебе, единому, струится
За дивные твои дела?
Нет! — Славословий там не будет!
Там — кровь, да слезы, да хула,
Хула всему! Не знают люди
Святого в мире ничего!
Мне кажется, и самого
Тебя они с проклятьем судят!

1850
Оренбург.

ЮРОДИВЫЙ

Во дни фельдфебеля-царя [1])
Капрал Гаврилович Безрукий
Да унтер пьяный Долгорукий
Украйной правили. [2]) Добра
Таки немало натворили,
Людей немало разорили
Сатрапы [3]) эти, унтера.
А как уж стриженый Гаврилыч
Радел с ефрейтором своим,
Проворным, на беду лихим. [4])

---

[1]) Фельдфебель — царь Николай I. Называя Николая I фельдфебелем, а его сановников — капралами и унтерами, Шевченко подчеркивает одну из характернейших черт николаевского царствования — палочную казарменную дисциплину, грубую военщину и бессмысленную муштру.

[2]) Капрал Гаврилович Безрукий — Д. Г. Бибиков, генерал-губернатор Киевской, Волынской и Подольской губ. (у него действительно не было одной руки). Унтер пьяный Долгорукий — кн. Н. А. Долгоруков, генерал-губернатор Черниговской, Полтавской и Харьковской губ.

[3]) Сатрапы — в древней Персии наместники царя, самовластно управляющие отдельными провинциями, и другие высшие чиновники. Шевченко называет сатрапами царских чиновников.

[4]) Речь идет о правителе канцелярии киевского генерал-губернатора Н. Э. Писареве, известном взяточнике, пользовавшемся огромной властью при Бибикове.

И до того домуштровались,
Что сам фельдфебель удивлялись
И муштре и делам другим
И «благосклонны пребывали
Всегда» к ефрейторам своим.
А мы смотрели и молчали,
Молчали да скребли чубы,
Немые, подлые рабы,
Подножки царские, лакеи
Капрала пьяного! [1]) Не вам,
В расшитой золотом ливрее,
Доносчики и фарисеи, [2])
За правду пресвятую стать
И за свободу! Вы терзать,
А не любить учились брата.
Когда же, суетный, проклятый,
Он передохнет, этот род?
Когда дождемся Вашингтона [3])
И справедливого закона?
Таки дождемся, — он придет.
Не сотни вас, а миллионы
Полян, дулебов и древлян [4])
Гаврилыч гнул во время оно;
А вас, безгрешных киевлян
И аккуратных киевлянок,

---

1) Эти и следующие слова обращены к украинским и русским либералам, которые нередко говорили о своей любви к народу, а на деле жестоко эксплоатировали его и пресмыкались перед самодержавием.

2) Фарисей — лицемер.

3) Вашингтон Д. (1732—1799) — главнокомандующий северо-американских войск в годы войны с Англией за независимость (1775—1783) и первый президент Северо-американской республики.

4) Поляне, дулебы и древляне — древние славянские племена, жившие на территории правобережной Украины.

Своим профосам[1]) отдал пьяным
В прислужницы сатрап-капрал, —
И вы не возмущались сами.
Но вот нашелся между вами
Глупец, чудак, оригинал,
Что съездил по уху капрала,
Еще и в церкви, и пропало,
Как на собаке.
Так-то, так!
Нашелся хоть один казак
Из миллиона свинопасов,
Что на все царство нашумел —
Сатрапу в морду дать посмел;
А вы, юродствуя, согласно,
В то время, как хворал капрал,
Юродивым провозглашали
Святого рыцаря! А дале —
Федфебель ваш Сардинапал[2])
Назначил каторгу святому,
А сам к побитому седому
Сатрапу «навсегда» пребыл
Преблагосклонным.
Завершил
Простой конец всю эту драму:
Стащили в мусорную яму
По темным улицам. А я...
О, ясная звезда моя!
Меня ты из тюрьмы-неволи
Ведешь на мусорник Николин.[3])
И светишь и горишь над ним

---

[1]) Профосы — здесь в смысле: палачи, негодяи.
[2]) Сарданапал — ассирийский царь (IX в. до нашей эры). Шевченко называет Сарданапалом Николая I.
[3]) Мусорник Николин — поэт имеет в виду в Петербург, куда он в это время отправлялся.

Огнем невидимым, святым,
Животворящим, а из гною
Встают виденьем предо мною
Его безбожные дела.
Безбожный царь, источник зла,
Гонитель правды, царь жестокий!
Что на земле наделал ты?
А ты, всевидящее око,
Куда смотрело с высоты,
Как сотнями в оковах гнали
В Сибирь невольников святых,[1])
Как мучили их, распинали
И вешали? А ты не знало?
Или смотрело ты на них
И не ослепло? Око, око!
Не очень видишь ты глубоко.
Ты спишь в киоте, а цари...
Ну их! Расстанусь я с царями, —
Пусть бредят, гнусы, кандалами, —
А сам перенесусь в Сибирь.
Взгляну там, за Байкалом, в горы,
В вертепы темные и в норы
Без дна глубокие и вас,
Поборники священной воли,
Из тьмы, из смрада, из неволи,
Царям и людям напоказ,
На свет вас, скованных цепями,
Я буду выводить рядами.[2])

1857
Нижний Новгород.

---

[1]) Святыми невольниками Шевченко называет революционеров, боровшихся с самодержавием.

[2]) Это стихотворение является началом задуманной Шевченко поэмы. Он предполагал перенести место действия в Сибирь и воспеть «поборников священной воли»—декабристов.

СЕСТРЕ

Бродя в отчизне над Днепром
По нищим и убогим селам,
Как часто с чувством невеселым
Я думал: где, в краю каком
Найду конец я дням тяжелым,
Найду приют? И ныне мне
Приснился сон: в родной стране,
В саду, обвитая цветами,
Избушка с белыми стенами,
Как будто девушка, стоит;
Внизу, под солнцем, Днепр волнами
Переливается — горит;
В саду, под белыми ветвями
Цветущей вишни — ты, сестра,
Моя страдалица святая!
В тени прохладной отдыхая,
Ты ждешь меня из-за Днепра!
И зоркий взор твой различает:
Вдали, меж гребней синих волн,
Широкий Днепр переплывает
С пловцом отважным утлый челн...
«Ты здесь! О, брат мой! Радость! Доля!»—
Меня зовешь ты с высоты...
И мы проснулись оба: ты —
На барщине, а я — в неволе!..

С тобою с детства нам итти
Пришлось среди колючей нивы...
Терпи, родная! Будем живы, —
Найдем и лучшие пути!

Черкесы.
20 июля 1859 г.

* * *

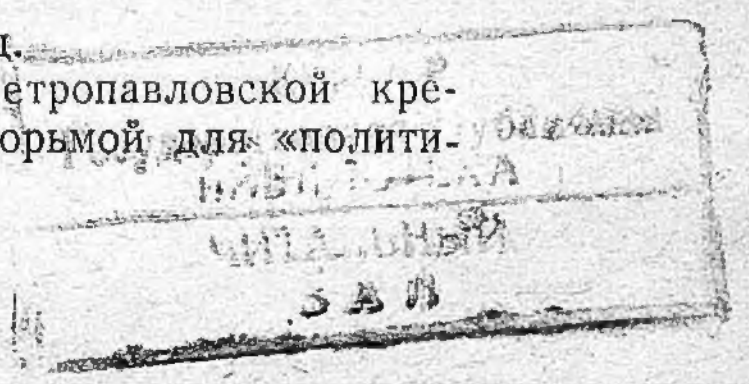
Иду я ночью над Невою
И рассуждаю сам с собою:
«Эх, — думаю себе, — кабы
Не покорилися рабы,
То не стояли б над Невою
Приюты скверны — ряд палат; [1])
Была б сестра и был бы брат.
Теперь же доброго не много, —
Ни бога нет, нет и полбога.
Псари с псарятами царят,
А нам, искусным доезжачим,
Одно: мы кормим псов да плачем».
Вот так, идучи над Невою,
Я размышлял ночной порою.
Вдруг — глядь: как будто бы из ямы,
С другого берега мне кот
Сверкнул зелеными глазами...
А то светились фонарями
Столбы апостольских ворот.[2])
Опомнясь, я перекрестился
И трижды плюнул... И опять
Пошел, задумался, забылся —
И начал так же размышлять.

13 ноября 1860 г.
Петербург.

---

[1]) Приюты скверны — Зимний дворец.

[2]) Апостольские ворота — ворота Петропавловской крепости, служившей во времена царизма тюрьмой для «политических преступников».



СОДЕРЖАНИЕ.

	стр.
Альтман П.—Т. Г. Шевченко	5
Родин И. — На родине Шевченко	48
Катерина (перевод Ф. Сологуба)	52
Думка (перевод Ф. Сологуба)	76
Думка (перевод Н. Гербеля)	78
Кавказ (перевод Ф. Сологуба)	80
„Проходят дни, проходят ночи“ (перевод Ф. Сологуба)	87
„Как умру я, схороните“... (перевод А. Колтоновского)	88
Русалка (перевод А. Колтоновского)	89
„Три широкие дороги“... (перевод М. Славинского)	91
Н. Костомарову (перевод М. Славинского)	93
Вечер (перевод А. Колтоновского)	95
„Нет горше муки, как в неволе“... (перевод А. Колтоновского)	95
„Немытое небо и волны сонливы“... (перевод Г. Владимирского)	97
„И вырос я в чужом краю“... (перевод А. Колтоновского)	98
„Приведись тебе в деревне“... (Перевод А. Колтоновского)	100
„Когда б вы знали господа“... (перевод В. Брюсова)	104
Юродивый (перевод А. Колтоновского)	108
Сестре (перевод М. Славинского)	112
„Иду я ночью над Невою“... (перевод А. Колтоновского)	113

(Стихи и примечания перепечатаны из сборника: Т. Шевченко. „Избранные стихи“, Гослитиздат, 1938 г., Ленинград).

Отв. редактор В. Шашков. Техн. редактор Николаев.

Уполн. Главлита Карельской АССР № В—31

Каргосиздат № 44. Заказ № 506. Тираж 7000.

Форм. бумаги 70×110 1/32. Изд. л. 3 9/16. 4,7 авт. л.

Колич. зн. в изд. л. 52640. Бум. листов 1 25/32.

Сдано в набор 17/II-39. Подписано к печати 28/II-39 г.

Гос. тип. им. Анохина, Петрозаводск, Пушкинская 7.

1935

Цена ~~1 руб. 75~~ коп.

Цена
эк 5 р. 00 к.